

№ 36

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1874

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Парижскія моды.

Выданъ 31-го августа 1874 года.

Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „ИИВУ“ въ 1874 году продолжается

и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1874 году №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к. съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . 5 » 50*)

НА ПОЛГОДА:

- I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к. съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Николай Николаевичъ Каразинъ.

Ученая экспедиція по теченію Аму-Дарьи, снаряженная весною нынѣшняго года съ цѣлю ближайшаго изслѣдованія недавно-приобрѣтенныхъ Россіею странъ и народностей, занимается въ настоящее время умы всей читающей публики. Дѣятельное участіе, которое принималъ въ этой экспедиціи даровитый сотрудникъ «Нивы», Николай Николаевичъ Каразинъ, общая много интересныхъ очерковъ и рисунковъ нашему журналу, въ то же время придаетъ новый и такъ связать общественный интересъ его личности. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы познакомить нашихъ читателей съ жизнью и дѣятельностью художника, давно уже извѣстнаго имъ со стороны его литературнаго и художественнаго таланта.

Каразинъ родился въ 1842 году, и получивъ воспитаніе во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, вступилъ на военное поприще. Вся долго-

временная служба его представляетъ непрерывный рядъ боевыхъ походовъ, что дало ему возможность ближе изучать и въ совершенствѣ усвоить себѣ тревожное житье-бытье русскаго солдата. Сопряженная съ лагерной жизнью постоянная перемѣна мѣстъ, а также частыя поѣздки по Россіи и Азіи помогли ему приглядѣться и къ народному быту посѣщенныхъ имъ странъ. Въ то время Каразинъ еще не думалъ о карьерѣ художника и безъ всякой опредѣленной цѣли набрасывалъ въ своемъ альбомѣ эскизы подорожныхъ мѣстностей и типы различныхъ народностей — единственно въ силу своей артистической природы, безсознательно пробуждавшагося таланта и врожденной наблюдательности. Такъ совершилъ онъ польскій походъ 1863—1864 годовъ, принимая участіе въ болѣе значительныхъ стычкахъ съ польскими бандами при Джарахъ, Заболотцахъ, Порицкѣ, Волчьемъ постѣ и Грушевѣ, — а затѣмъ и туркестанскій 1865—1871 годовъ, въ теченіи котораго онъ участвовалъ

Николай Николаевичъ Каразинъ, Рис. Тегаццо, грав. Пуцъ.

въ сраженіяхъ при Ухумѣ, Хаятѣ, Яны-курганѣ, Чапакъ-атѣ, Самаркандѣ, Ургутѣ, Кара-тюбе, Катта-курганѣ, Зарабулакѣ, Карши, Джамѣ и во многихъ другихъ. Главнѣйшими изъ наградъ, полученныхъ имъ за это время, были: золотая сабля за *храбрость* и орденъ Владимира съ мечами.

Начало литературно-художественной дѣятельности Каразина относится къ 1871 году, когда онъ внезапно выступилъ во всеоружіи двухъ дарованій: какъ живописецъ съ цѣлымъ рядомъ средне-азиатскихъ эскизовъ и какъ писатель—съ перваго произведенія своего завладѣвшій вниманіемъ публики. Съ тѣхъ поръ онъ является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Нивы», «Illustrated London News», «Всемирной Иллюстраціи», «Бесѣды» и «Дѣла». Въ теченіи съ небольшимъ трехъ лѣтъ, при необыкновенной плодовитости и богатствѣ запасенныхъ матеріаловъ, онъ успѣлъ написать два большихъ романа: «На далекихъ окраинахъ Россіи» и «Въ погоню за наживой», повѣсть «Въ камышахъ» («Нива» 1873 г.), средне-азиатскіе этюды: «Изъ Центральной Азіи», «Рахмедъ-Инанъ-Бекъ Заадинскій», «Зарабулакскія высоты», «Мирза-Кудлайбай купецъ богатый», «Акъ-томакъ» и множество мелкихъ статей и очерковъ, а въ настоящее время онъ готовитъ къ печати въ «Нивѣ» большой бытовой романъ «Двуногій волкъ». Въ то же короткое время исполнены имъ до 200 рисунковъ на деревѣ, помѣщенныхъ въ различныхъ иллюстрированныхъ

изданіяхъ, по которымъ и знаетъ его какъ живописца большинство публики — отчасти лишь, такъ какъ специальность Каразина составляетъ акварель, а не карандашъ. Надо видѣть его акварельные рисунки, чтобы имѣть полное понятіе объ его талантѣ, которому удивлялись въ Германіи первостепенные хромо-литографы при исполненіи его произведеній на камнѣ для большого альбома «Хивинскій походъ».

Съ неменьшимъ успѣхомъ писалъ Каразинъ и клевыми красками—большія историческія картины изъ жизни Петра I, выставленныя на Царицыномъ лугу во время торжества двухсотлѣтняго юбилея Великаго Преобразователя Россіи (взятіе Дербента, Петръ I выковывающій полосу желѣза и др.).

Соединяя въ себѣ наблюдательность этнографа съ талантами писателя и живописца и будучи ориенталистомъ благодаря службѣ въ Средней Азіи, Каразинъ не могъ не обратить на себя вниманія при составленіи ученой экспедиціи въ мѣста его прошлыхъ военныхъ подвиговъ. Онъ принялъ новое назначеніе съ восторгомъ и горячностью, которою отмѣчены всѣ его труды, — и въ началѣ мая былъ уже на пути къ Аму-Дарьѣ. Въ портфель редакціи «Нивы» уже находятся нѣсколько рисунковъ и очерковъ, присланныхъ имъ изъ Каразинска, изъ которыхъ первая серія помѣщается въ нынѣшнемъ номерѣ.

Сказано что Азія *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Рѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣніемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеніемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА IV.

Рыло.

Дѣло, объ которомъ упоминалъ и собирался рассказать старый князь, было въ концѣ декабря мѣсяца. Погода стояла прекрасная; походъ былъ превеселый; офицеры собрались какъ на подборъ—ребята славные; пѣсельники въ III. полку были отличные;—но всего болѣе забавлялъ ручной медвѣдь, который въ походѣ всегда отправлялся съ ложечникомъ впереди.

Переправясь благополучно чрезъ рѣку Алазань, отрядъ шелъ всю ночь, не смотря на дурную дорогу, ведущую дремучимъ, допотопнымъ лѣсомъ, мѣстами пересѣкаемомъ лощинами, заросшими высокими камышомъ, въ которомъ могъ скрываться человѣкъ на лошади верхомъ. Особенно трудно было перевозить артилерію. Дикіе звѣри стадами разбѣгались, при видѣ войска, при стукѣ лафетныхъ колесъ... На разсвѣтѣ отрядъ вышелъ изъ лѣса и увидалъ передъ собою огромную равнину, огражденную съ обѣихъ сторонъ горами, образовавшими глубокое ущелье, занятое селеніемъ; окруженное садами, оно укрѣплялось каменными завалами. Это были Бѣлоканы.

Утро было ясное, мертвая тишина царствовала въ воздухѣ и окрестностяхъ, какъ будто въ странѣ необитаемой; лазутчики донесли однакоже князю, что въ селеніи, кромѣ жителей, находилось тысячъ до десяти горцевъ, спустившихся изъ Джамгута.

Расположивъ отрядъ въ боевой порядокъ, князь велѣлъ солдатамъ варить кашу и отдыхать, — между тѣмъ послалъ, находившихся съ нимъ старшинъ изъ другихъ селеній Джарской области, уговаривать бѣлоканцевъ, во избѣжаніе кровопролитія, принять отрядъ съ хлѣбомъ и солью, отчистить селеніе отъ горцевъ и покориться.

Посланные возвратились съ отвѣтомъ, что предводитель мятежниковъ Кара-Оглы и слышать не хотѣлъ о покорности,

сказавъ: «великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его, я слуга ихъ—и скорѣй умру чѣмъ покорюсь *яурамъ*.» Дѣлать было нечего, приходилось драться; но какъ селеніе было обширно и раздѣлено рѣчкой на двѣ половины, то, не имѣя понятія о позиціи непріятеля, князь не зналъ, съ которой стороны удобнѣе повести атаку, и рѣшился пожертвовать частію кавалеріи, чтобы открыть непріятеля,—вызвалъ охотниковъ, явилось пятьдесятъ человѣкъ молодцовъ на лихихъ коняхъ. При Омарджидзе находился на ординарцахъ молодой князь Джаритовъ, красавецъ собой, славный наѣздникъ, единственный сынъ у матери. Старый князь очень любилъ его и былъ друженъ съ его отцомъ. Молодой князекъ убѣдительно просилъ Омарджидзе поручить ему команду охотниковъ; тотъ долго не рѣшался, но подумавъ, что «тамъ нѣтъ смерти, гдѣ не назначено ее встрѣтить», — благословилъ его. На сѣромъ карабахскомъ жеребцѣ помчался Джаритовъ по равнинѣ впереди удалцовъ-милиціонеровъ — и въ одно мгновеніе скрылись они изъ глазъ отряда въ густой зелени садовъ.

Между тѣмъ солдаты отдохнули и отрядъ сталъ подвигаться къ селенію. Не прошло получаса времени, какъ Омарджидзе услышалъ сильную ружейную пальбу и повелъ войска въ атаку. Стрѣлки, взявъ ружья на перевѣсъ, бросились на завалы, мигомъ выбили изъ нихъ непріятеля и заняли сады; нѣсколько милиціонеровъ изъ отряда охотниковъ князя Джаритова возвратились раненные и рассказали Омарджидзе, что главныя силы непріятеля находятся за рѣкой въ мечети и въ устроенныхъ около нея завалахъ;—что будучи ранены сами и лошади подъ ними тоже, они не могли слѣдовать за княземъ.

Не получа такимъ образомъ никакихъ свѣдѣній о князѣ Джаритовѣ и его отрядѣ, Омарджидзе былъ сильно огорченъ. Это заставило его поторопиться взять селеніе штурмомъ. Князь тотчасъ послалъ часть отряда въ обходъ селенія, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятелю, а самъ повелъ остальное войско впередъ. Несмотря на перекрестный ружейный огонь, въ улицахъ до того тѣсныхъ, что артилерію ввести въ дѣло было невозможно, — двѣ роты III. полка, ворвались въ селеніе, выбѣжали на площадку и разсыпали стрѣлковъ вдоль рѣчки, опушенной мелкимъ кустарникомъ. На противоположномъ берегу находилась мечеть, огромное ка-

*) Солдатская поговорка.

Волненіе выдало ее... Чанко какъ будто подслушалъ мысль ея—и тотчасъ отрядилъ двоихъ къ отверстию пещеры, сказавъ, что они отвѣчаютъ своею жизнію за несохраненіе его добычи. Послѣдняя единственная надежда къ спасенію исчезла для Майко, какъ потухшій свѣтъ маяка для корабля въ бурю на морѣ. Она рѣшилась предаться на волю провидѣнія и ожидать съ терпѣніемъ своей участи.

Должно было выпить всю горечь чаши, ей предстоявшей. Ужинъ окончился пляской и пѣніемъ, и наконецъ залпомъ

чали ея воплямъ. Еслибы она встрѣтила дикаго звѣря, онъ бы только растерзалъ ее,—а это былъ человѣкъ-звѣрь. Онъ какъ беззащитную жертву задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ — и она лишилась разсудка...

На другой, день южное солнце возшло съ обычнымъ своимъ величіемъ изъ-за фіолетовыхъ горъ, и освѣтило страшную картину разрушенія.

Вчера еще роскошные сады осыпали скромныя хижины мирныхъ жителей селенія Циносхале; сегодня листья ихъ

Поѣздъ Аму-Дарьинской экспедиціи въ сыпучихъ пескахъ, между станціями Кулькудукъ и Акъ-Джулпасъ, ночью во время небольшого песчаного урагана. Рис. Н. Каразинъ, грав. Стаковский.

Одна изъ почтовыхъ станцій Орско-Кавалинскаго тракта въ первобытномъ своемъ видѣ (только годъ тому назадъ). Рис. Н. Каразинъ, грав. Вольскій.

Та-же почтовая станція въ нынѣшнемъ ея видѣ. Рис. Н. Каразинъ, грав. Скрымскій.

Городъ Кавалинскъ. Видъ съ противоположнаго берега Сыръ-Дарьи. Казенныя верфи и пристань. Рис. Н. Каразинъ, грав. Езерскій.

изъ ружей, — церемоніей, сопровождающей обыкновенно у азіатцевъ брачныя пиршества... Лезгинъ всѣ до послѣдняго нукера удалились. При нихъ ей было какъ-то легче, но увидавъ себя наединѣ съ злодѣемъ, она обмерла. На немъ не было уже ни кольчуги, ни шлема съ наличникомъ, придававшихъ ему видъ зловѣщаго призрака, — но тѣмъ страшнѣе стали звѣрскія черты убійцы ея отца и брата... Онъ медленно приближался къ ней. Какъ описать ужасъ, овладѣвшій ею? — Она стала кричать, плакать, взывать о помощи, но тщетно все; лишь свистъ вѣтра, шумъ рѣки и завываніе шакаловъ отвѣ-

пожухла отъ пожара, вездѣ были видны слѣды разрушенія, дымились догоравшія строенія, какъ оставы стояли между ними обгорѣлыя каменные стѣны и царствовала мертвая тишина; — не видно было лица человѣческаго; кое-гдѣ валялись окровавленные трупы людей; собаки стаями собирались и жалобно выли, оплакивая смерть своихъ хозяевъ и подлизывая пролитую ихъ кровь.

Домъ князя Омарджидзе, обгорѣлый, стоялъ на возвышеніи, какъ старецъ надъ ужасною могилой.

Солнце скрылось, день уже склонялся къ вечеру, туманъ

подымался отъ озера и сливался въ густую массу со смятымъ дымомъ, наполнявшимъ воздухъ.

А старый Зурабъ, израненный, съ запекшейся кровью на перевязкахъ ранъ, опираясь на заступъ, стоялъ наклонясь надъ свѣжею, вырытою землею. Слезы изъ глазъ его, потъ съ лица и кровь съ незаживленныхъ ранъ каплями падали въ могилу, которую онъ рылъ для князя и княгини Омарджидзе.

— Боже! говорилъ онъ слабымъ голосомъ, прерываемымъ стономъ и рыданіями, едва переводя духъ отъ изнеможенія, — Боже! пошли мнѣ сколько нибудь жизни, поддержи мои силы...

Онъ, наканувъ, защищая ихъ, получить нѣсколько кинжалныхъ ранъ; истекши кровью, онъ упалъ безъ чувствъ у дверей дома. Лезгинъ, полагая, что онъ умеръ, бросили его въ числѣ прочихъ труповъ и торопились увезти свою добычу; они оставили одинъ только живой памятникъ свидѣтелемъ своего злодѣянія — это няню похищенной Майко, старуху Марту, которую, ограбивъ, привязали къ дереву. Зурабъ, почувствовавшись уже на другой день, освободилъ ее. Они нашли князя и княгиню умершими въ объятіяхъ другъ друга. Несмотря на тяжелыя, еще не закрывшіяся раны и лихорадочное состояніе, честный старикъ упорно съ твердой волей продолжалъ благочестивый трудъ свой — и съ помощію стараго священника, окончивъ грустную работу, похоронилъ тѣла князя и княгини Омарджидзе, не пережившихъ ужаснаго удара, постигшаго ихъ на старости лѣтъ, и тяжелыхъ ранъ.

Между тѣмъ начали мало по малу возвращаться изъ лѣсовъ разбѣжавшіеся жители на пепелища жилищъ своихъ и устраивать шалаши, чтобы укрыться отъ непогоды наступавшей осени. — Марта была хорошая лекарка и усердно ходила за больнымъ Зурабомъ. Онъ началъ поправляться и наконецъ совершенно выздоровѣлъ, но не могъ оставаться на родинѣ: тяжелы были для него воспоминанія потерь. У него въ саду, подъ вѣковымъ каштановымъ деревомъ, куда уходилъ онъ обыкновенно отдыхать послѣ обѣда, зарытъ былъ небольшой глиняный кувшинъ съ червонцами, добытыми имъ

въ походахъ со старымъ княземъ, — которые онъ завѣщалъ на приданое обожаемой Майко, когда она пойдетъ замужъ.

Теперь онъ вырылъ эти деньги, купилъ лошадь, оружіе и отправился къ начальнику милиціи, князю Челикадзе, который былъ родственникъ покойному князю Омарджидзе, зналъ давно Зураба и любилъ его какъ человѣка честнаго, храбраго и преданнаго господамъ своимъ; онъ съ радостію согласился принять его въ ряды своего войска и далъ ему въ команду сотню милиціонеровъ. — Зурабъ поклялся умереть съ оружіемъ въ рукахъ и ждалъ только случая отмстить за погибшее семейство своихъ господъ; участвовалъ во всѣхъ экспедиціяхъ, во всѣхъ схваткахъ съ лезгинами, бывалъ впереди переднихъ и, казалось, искалъ смерти, — но она бѣжала отъ него. Милиціонеры чрезвычайно полюбили его, между ними вошло какъ-бы въ повѣрье, что гдѣ Зурабъ — тамъ и побѣда. Имя Майко сдѣлалось у него призывомъ къ бою, и когда онъ произносилъ въ изступленіи это магическое слово — гибель враговъ становилась неизбѣжною...

Только въ 30-мъ году, при взятіи штурмомъ селенія *Закаталы*, встрѣтилъ онъ Чанко-Оглы; они узнали другъ друга — лезгинъ былъ испуганъ и пораженъ видомъ Зураба, какъ привидѣніемъ. «Шайтанъ! *) шайтанъ!..» закричалъ Чанко и отшатнулся было назадъ, но когда Зурабъ напалъ на него, они схватились какъ звѣри, — это былъ поединокъ безъ выстрѣла; они рѣзались кинжалами — и оба, раненные, упали на землю. Офицеръ *** полка бросился на помощь грузину, но не могъ оторвать умиравшаго Зураба отъ его добычи, — тотъ впился въ горло злодѣя зубами, стиснувъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ.

Въ это время Чанко-Оглы, весь израненный, собралъ послѣднія свои силы, чтобы достать лежавшій подлѣ него пистолетъ и выстрѣлилъ; пуля пробила ухо Зураба и контузила въ голову офицера, нагнувшагося къ нему. Чанко-Оглы отнесли на перевязочный пунктъ, а тѣло Зураба на другой день похоронили съ военной почестію.

(Продолженіе будетъ).

АМУ-ДАРЬИНСКАЯ УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

I. Орско-казалинскій почтовый трактъ.

(Путевыя замѣтки члена экспедиціи, Н. Каразина.)

Не болѣе какъ три года тому назадъ, каждый путешественникъ, предполагавшій ѣхать — черезъ степь — въ наши Средне-Азіатскія владѣнія, невольно задумывался подѣзжая къ Орску, откуда ему надо было сворачивать правѣе и оставлять за собою всѣ удобства устроенныхъ почтовыхъ путей, все то, что хотя сколько нибудь можетъ быть названо комфортомъ.

И дѣйствительно, ему нельзя было не задуматься. Передъ нимъ тянулась дорога въ слишкомъ тысячу верстъ длины, дорога приобретающая себѣ — грозную, неутѣшительную извѣстность.

Чтобы дать понятіе объ этомъ трактѣ — того времени — приведу отрывокъ изъ путевой книжки одного туриста. Этотъ отрывокъ яркими красками рисуетъ всю прелесть Орско-казалинскаго тракта — не носившаго другаго названія какъ «проклятая дорога».

«Первый разъ я проѣзжалъ эту дорожку осенью 1867 года. Это былъ годъ реформъ вновь-завоеваннаго края. Понадобились офицеры, чиновники, всякій рабочий людъ — и понадобились въ громадномъ количествѣ. И вотъ, все это скопилось въ Оренбургѣ, приготовляясь къ степному путешествію. Всѣ гостиницы были переполнены; по почтовымъ дорогамъ тянулись почти непрерывные ряды экипажей. Большинство проѣзжающихъ были люди семейные, а потому можно себѣ представить съ какими запасами путешествовали они, переселяясь въ край отдаленный, въ которомъ, по крайней мѣрѣ на первое время, трудно, даже не возможно было достать что-либо удовлетворяющее европейскому требованію комфорта. Шутники говорили, что въ осень 1867 года было

«великое переселеніе народовъ изъ виленскихъ канцелярій въ таишкентскія». Вотъ въ это-то бойкое время пришлось и мнѣ въ первый разъ проѣхать знаменитымъ Орско-казалинскимъ почтовымъ трактомъ.

Едва только я выѣхалъ изъ Орска, какъ сразу почувствовалъ, что надолго распростился со всякимъ удобствомъ. Три чухоточныя клячи, приведенныя мнѣ послѣ двухсуточного ожиданія, дотащили меня до станціи только глубокою ночью. Станція эта состояла изъ полуземлянки, наполненной развалинами печки; вороха перегнившей соломы, кишѣвшей паразитами, покрывали полъ. Въ оконныя отверстія врывался сырой осенній вѣтеръ; завалившаяся земляная крыша грозила рухнуть на голову. Остаться на ночь въ этомъ пріютѣ не было никакой возможности, и я провелъ остатокъ ночи на дворѣ, въ своемъ тарантасѣ.

Дальнѣйшее мое путешествіе было цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній и лишеній. Недостатокъ лошадей, а часто неимѣніе ихъ вовсе — задерживали меня на станціяхъ по суткамъ и даже болѣе; напримѣръ: на станціи «Джалавла» я просидѣлъ четверо сутокъ — и только случайно нанялъ двухъ верблюдовъ у проходящаго невдалекѣ каравана. Все путешествіе мое до Казалинска тянулось пять недѣль, а я еще находился въ сравнительно лучшихъ условіяхъ чѣмъ остальные путешественники. Я ѣхалъ одинъ и налегкѣ, — каково же было несчастнымъ семейнымъ съ ихъ женами и дѣтьми — часто даже грудными!.....

*) Чортъ.

Всѣ станціи были по образцу первой мною описанной. Чаше встрѣчались войлочные кибитки — старыя, покривившіяся, съ безчисленными отверстіями въ прогорѣлыхъ войлокахъ, не защищавшія вовсе ни отъ дождя ни отъ холода. Наступали холода, выпалъ первый снѣгъ, начались страшные степные бураны.

Положеніе многихъ запоздавшихъ путешественниковъ было отчаянное. На одной изъ станцій, именно какъ теперь помню: «Бугадты-сай», я нашелъ семейство въ самомъ безвыходномъ положеніи. Мужъ — какой-то интендантскій чиновникъ, мертвецки пьяный, должно быть съ горя, находился въ безчувственномъ состояніи и хранилъ лежа подъ тарантасомъ. «Вотъ уже вторые сутки такъ-то»!.. жаловалась мнѣ его жена, кормившая грудью — трехмѣсячнаго ребенка. Около нея еще двое дѣтей жались и хныкали отъ холода, забившись подъ какую-то попону. Дѣти просили ѣсть.

Вся провизія вышла; не было даже чаю и сахару; еще вчера вечеромъ доѣли послѣднюю дорожную булку, а впереди оставалось еще болѣе половины дороги. Другое семейство я нашелъ еще въ худшемъ положеніи: на этой станціи не было вовсе никакого жилья — кибитку унесло вѣтромъ, и только кучи навоза, слѣды костровъ, да обломки тѣлежнаго колеса — намекали на мѣсто почтовой станціи. Ближайшій аулъ былъ верстъ за двадцать. Ближе-же не было ни одного живаго существа, кромѣ волковъ, завывавшихъ по почамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ несчастныхъ путешественниковъ... Здѣсь тоже истреблены были всѣ дорожные запасы — и дѣти кричали и плакали отъ голода.

Дотащившись кое-какъ до этой плачевной станціи, я держалъ ямщика-киргиза съ его лошадьми, далъ имъ отдохнуть и верхомъ отправился отыскивать ближайшіе аулы. Ночь захватила меня на дорогѣ — и вернулся я уже на другой день утромъ. Надо было видѣть восторгъ несчастныхъ при видѣ приведенныхъ мною упряжныхъ верблюдовъ и двухъ барашковъ, предназначенныхъ для насыщенія ихъ приглодавшихся желудковъ.

Если у кого нибудь ломался экипажъ, его бросали какъ вещь никуда не годную (о починкѣ нечего было и думать) и продолжали путь верхомъ на верблюдахъ, а иногда и пѣшкомъ, побросавъ на произволъ судьбы свои пожитки.

Во всемъ этомъ, что я пишу, нѣтъ никакого преувеличенія. Не найдется никого кто-бы могъ упрекнуть меня въ этомъ, но за то найдутся такіе, что найдутъ мое описаніе блѣднымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что испытали они сами своими собственными боками.

Генераль-губернаторъ, узнавши отъ прѣзжающихъ о томъ, что творится на Орско-казалинскомъ трактѣ — немедленно распорядился выслать офицеровъ и чиновниковъ, снабженныхъ деньгами, одеждой, провизіей и лекарствами навстрѣчу идущимъ. — Въ числѣ этихъ посланныхъ былъ г. Терентьевъ, который положительно завѣрялъ о томъ, что ему приходилось патыкаться на раздирающія душу катастрофы.

Черезъ три года послѣ этого, именно въ 1870 году, снова пришлось прѣзжать мнѣ этою дорогою... Время года было несравненно лучшее, дѣло было лѣтомъ, и никакого напыла прѣзжающихъ не было вовсе. Но не смотря на эти, болѣе выгодныя условія, я нашелъ трактъ нисколько не въ лучшемъ состояніи. Тѣ-же станціи — кибитки и землянки, тоже отсутствіе людей и лошадей, тѣ-же суточныя ожиданія. А если приведутъ вамъ наконецъ коней — то или полумертвыхъ, или-же совершенно дикихъ, никогда въ своей жизни не видавшихъ ничего похожего на экипажъ, и вы рисковали на каждомъ шагѣ быть искалеченными, не говоря уже о безконечныхъ поломкахъ и окончательной порчѣ экипажа.»

И вотъ, мнѣ пришлось третій разъ промѣрить знакомое разстояніе — и я не узналъ своего старого Орско-казалинского тракта.

А дѣло было какъ нельзя проще; стояло только отдать этотъ трактъ съ торговъ предприимчивому человѣку, не поскучиться деньгами, а не сдавать его на попеченіе киргизамъ — попеченіе совершенно безконтрольное, тѣмъ болѣе,

что съ кочевниками не церемонились и по годамъ не платили имъ ничтожной договорной платы. «*Не за что платить — дурно содержите*» говорили тѣ, кому надлежало расплачиваться. — «*Деньгъ не дасишь — за что-же тебя содержать хорошо*» оправдывались тѣ, кому слѣдовало получать плату. И такимъ образомъ дѣло шло слишкомъ двадцать лѣтъ, пока настоятельная потребность въ сообщеніи не заставила открыть серіозные торги, по которымъ Оренбургскій купецъ Мияеньковъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, опытный и предприимчивый хозяинъ, взялъ большую часть степнаго тракта отъ Орска до станціи Джюлпасъ и привелъ его въ прекрасный порядокъ, такъ рѣзко поражающій всякаго, знающаго эту дорогу въ ея первоначальномъ видѣ.

Два рисунка — изображающіе одну и ту же станцію — Истемесъ — въ ея прежнемъ и настоящемъ видѣ уже даютъ довольно ясное понятіе о метаморфозѣ Орско-казалинскаго тракта.

Каждая станція новаго тракта состоитъ изъ большого, обнесеннаго стѣною двора и трехъ деревянныхъ строеній — среднее изъ нихъ, въ видѣ двухъ-половинной избы — назначается для прѣзжихъ и смотрителя; — въ боковыхъ помѣщаются ящики и амбары для фуража и сбруи.

Просторная, чистая и свѣтлая комната съ досчатымъ поломъ; удобная мебель — часы на стѣнѣ — теплая печь, вычищенный на диво самоваръ, блестящая посуда, при всемъ этомъ услужливость смотрителя, возможность достать и свѣжаго молока, и яицъ, и хорошаго хлѣба — все это такъ пріятно дѣйствуетъ на нервы прѣзжающаго, утомленнаго длинною дорогою и монотонностью степнаго ландшафта; а русскій говоръ на дворѣ, торопливая суетня ямщиковъ, побрякиванье сбруи, бубенчиковъ и звонъ русскаго колокольчика, все это заставляетъ забывать васъ, что вы не въ Россіи — а въ самой Азіи, въ центрѣ киргизскихъ степей... за нѣсколько тысячъ верстъ отъ того пункта, съ котораго начали свое многотрудное путешествіе.

Со второй половины дороги, т. е. съ переѣзда черезъ укрѣпленіе «*уральское*» — нынѣшній городъ *Иризъ* — колоритъ мѣняется. Азія вступаетъ въ свои права. Яркая-зеленая степь смѣняется сыпучими песками — становится жарче и душливѣе. Вы подѣзжаете къ знаменитымъ «*кара-кумамъ*»... Здѣсь уже нѣтъ такихъ прекрасныхъ, уютныхъ станцій — пахучее сосновое дерево замѣняютъ сѣрыя стѣны глинобитныхъ домовъ — самаго непривлекательнаго типа, наводящаго тоску и уныніе... Къ довершенію всего удовольствія — вы рѣдко находите хорошую воду... Чай вашъ — единственное дорожное утѣшеніе — мутенъ и съ сильнымъ солоноватымъ вкусомъ, а иногда и съ сѣрнисто-водороднымъ запахомъ... Что дѣлать, терпи... и повинуйся условіямъ природы еще не подчиненной вліянію человѣка (хотя и давно пора бы!)... И съ какимъ удовольствіемъ путешественникъ видитъ наконецъ вдаль на горизонтѣ голубоватые силуэты вѣтряныхъ мельницъ, окаймляющихъ городъ Казалинскъ со стороны Орско-казалинскаго тракта!

Рисунокъ, приложенный къ нашему журналу — изображаетъ одинъ изъ скверныхъ моментовъ — переѣзда по этому пути — это душливый песчаный ураганъ, налетавшій на экипажи путешественниковъ.

Второй подобный рисунокъ представляетъ — единственное бойкое мѣсто города Казалинска — это его паромную пристань на рѣкѣ Сырѣ — нѣсколько жалкихъ суденышекъ стоятъ у берега на причалахъ; за ними прямая, скучная линія крѣпостнаго вала; за нимъ — крыши казармъ съ безчисленными трубами; за ними группы деревьевъ, которыхъ въ Казалинскѣ на перечесть — и груды топлива, сваленныя по берегу въ безпорядочныхъ кучкахъ.

Исторія и жизнь Казалинска впрочемъ довольно интересны и стоятъ того, чтобы о нихъ поговорить подробнѣе, что и будетъ сдѣлано впоследствии, при изданіи — путевыхъ записокъ на берега Аральскаго моря, въ дельты Аму и Сыра — этихъ великихъ артерій Средне-азиатскаго міра.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 44 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 28-го октября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к. *)
- ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

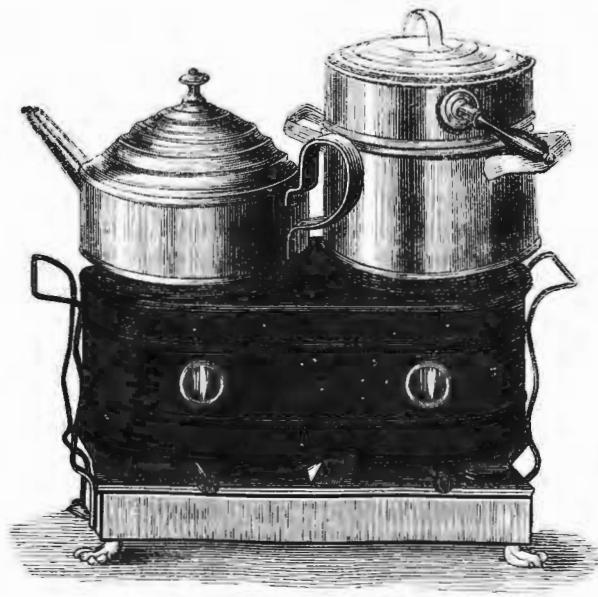
*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Для удобства Гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются при этомъ № Нивы Подписной Бланкъ и КОНВЕРТЫ съ печатнымъ адресомъ Редакціи для ВОЗОБНОВЛЕНІЯ подписки на нашъ журналъ въ 1875 году.

КЕРОСИНОВЫЯ ПЕЧИ.

Многіе изъ подписчиковъ «Нивы» обращались къ намъ съ запросомъ относительно публикацій о керосиновыхъ печахъ, встречающихся во всѣхъ газетахъ. Спѣша удовлетворить любознательности нашихъ читателей, мы ознакомились съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ на дѣлѣ и теперь можемъ похвалиться добытыми свѣдѣніями.

Керосиновая печь состоитъ изъ низенькаго, четвероугольнаго, наглухо запаяннаго жестянаго резервуара, съ круглымъ отверстіемъ въ одномъ изъ угловъ верхней стѣнки, въ которое наливается керосинъ и закрывается круглой же крышечкой. Около середины верхней стѣнки резервуара утверждены двѣ поперечно стоящія жестяныя горѣлки для свѣтиленъ, поднимающихся помощью винта, какъ въ керосиновыхъ лампахъ, — только свѣтильники въ печи значительно шире обыкновенныхъ ламповыхъ, почти въ ладонь ширины. На верхней же стѣнкѣ резервуара укрѣплены

Керосиновая печь о двухъ канфоркахъ. Грав. Бергъ.

четыре стойки, поддерживающія вторую часть печи — собственно плиту, которую можно снимать со стоекъ и опять ставить.

Съ боковъ резервуара укрѣплены двѣ высокія ручки для переноса аппарата вмѣстѣ съ плитою. Эта плита имѣетъ овальную форму, какъ видно на рисункѣ, и раздѣляется внутри на 2 этажа. Дно ея образуетъ частая металлическая сѣтка, съ двумя узкими прорѣзами — какъ разъ надъ горѣлками резервуара — такъ что, когда плита ставится на стойки резервуара, горѣлки проходятъ сквозь прорѣзы сѣтчатого дна въ нижнее отдѣленіе плиты; оно отдѣлено отъ верхняго плотной чугунной перегородкой съ выгнутыми прорѣзными колпачками надъ горѣлками и свѣтильниками, какъ въ лампахъ. Верхнее отдѣленіе плиты гораздо обширнѣе нижняго, и въ немъ прорѣзаны съ боку два круглыя оконца со стеклами, чтобы можно было въ нихъ ско- трѣть на пламя и регулировать его снизу помощью вышеупомя-

Ученая экспедиция на Аму-Дарью. I. Входъ въ дельту Аму-Дарьи (въ устьѣ Улькунъ-Дарьи) на пароходѣ экспедиціи.

Гривов. членъ экспедиціи П. Карзинъ, грав. Сташковскій.

«Начальникъ въ Самаркандѣ былъ тогда строгій.—На голоѣ у него шапочка черная была, на носу стекла носилъ круглая съ золотыми рамками... Я, потомъ припомнилъ, еще прежде видалъ его въ Алматахъ, только онъ тогда былъ моложе... Прежде чѣмъ къ начальнику идти, объ Атамкулѣ справились, говорятъ намъ—«здѣсь, только уѣхалъ вереть за сто, скоро назадъ будетъ». А рѣшили мы тогда, не поговоривъ съ Атамкуломъ, никакого дѣла не начинать. «Ты, молъ, старшій братъ—ты и укажи какъ дѣлать»—задобрить хотѣли его тѣмъ, что совѣта у него просимъ.—Пріѣхалъ наконецъ Атамкулъ».

«Не сразу узнали мы его... Даже ростомъ показался онъ намъ выше на цѣлую голову... Свои уже джигиты у него были—и много... Казаки даже русскіе были у него подъ начальствомъ, цѣлая сотня. Но русски такъ и рѣжетъ... вино пьетъ съ начальниками и за руку съ самимъ генераломъ здороваются»...

«Пошелъ я напередъ; Юнусу дожидаться велѣлъ.—Думаю: «дай прежде вывѣдаю, что у него на душѣ такое?»... «Чего принесло?»... такъ и бухнулъ онъ мнѣ съ перваго раза.... Сказалъ я ему... «Ишь ты!» говорить.—«Теперь братъ Юнусъ челоѣкъ богатый.... а въ джигиты простые лѣзетъ.... странно!...» Сказалъ онъ это, а самъ такъ зло усмѣхнулся, что у меня даже въ животѣ все застыло... Молчу—жду... «Ну ладно, говорить, пускай съ моими идетъ;—я тамъ послѣ можетъ и генералу скажу. Гдѣ, спрашиваетъ, остановились?»... «На базарѣ, за городомъ, говорю, пустая сакля со дворомъ тамъ есть,—гдѣ еще три тополя растутъ,—тутъ и остановились».... «Хорошо, вечеромъ самъ пріѣду. Прощай, старая собака!»... Это онъ мнѣ-то... Ну и взорвало же меня это слово! то есть если бы не Юнусъ, не его дѣло, такъ бы и виѣнился ему въ его горло, благо бороду онъ обрилъ, поганецъ, по русскому обычаю... Ушелъ я отъ него... Слышу тотъ кричать въ договку: «Эй-ты, такъ послѣ отца, дурака, много добра Юнускѣ досталось?»... Я уже промолчалъ на это».

«Братъ вечеромъ свидѣлись... Ничего, безъ ссоры. Обнялись даже... только все у Атамкула губы не ладно сжимались, все онъ что-то зло на него поглядывалъ»...

«А черезъ два дня, слышимъ, въ походъ собираются русскіе. Уже не противъ Эмира, а за него; городъ «Карши» отнимать, что сынъ старшій эмировъ отъ отца отбилъ... Пошли и мы»...

«Прошли свою землю; разсыпались джигиты по кишлакамъ, по чужимъ-то. Ну, извѣстно война! Грабить начали, скотину отбивать и все прочее... Къ генералу съ жалобой пришли отъ тѣхъ — отъ бухарскихъ жителей... Генералъ велѣлъ, чтобъ не трогали... А генералъ это такой былъ, что ежели что велитъ, такъ ужъ никто не смѣй ослушаться. Прошелъ день... Лагерьмъ стали наши около Джама... опять пришли съ жалобами—разсердился генералъ; спрашиваетъ: «кто?»—узнали его офицеры, говорятъ: «Атамкулова джигиты».... Позвалъ онъ Атамкула,—тотъ пришелъ; стоитъ блѣдный такой, даже дрожить, даромъ что важный... И велѣлъ ему генералъ сказать своимъ джигитамъ, что перваго, кто только побѣдетъ барантовъ, для примѣра прочимъ повѣситъ. Это мы уже послѣ узнали, въ томъ и бѣда вся вышла»...

«Только выступили мы къ Каршамъ; началась перестрѣлка. Джигиты наши всѣ врозь! Атамкулъ при генералѣ... Ищу я Юнуса, нѣтъ Юнуса... страхъ на меня напалъ такой, что коня подъ собою не слышу... Къ вечеру уже глядимъ: ѣдетъ Юнусъ, и четырехъ коровъ передъ собою гонитъ, да вер-

блюда ведетъ въ поводу, и какъ разъ мимо генеральской ставки... Увидаль строгій генералъ... «Повѣситъ!» говорить. Я такъ и обмеръ»...

А у генерала, что сказано то и сдѣлано... Сбилъ я сей-часъ пародъ, бросились мы въ палатку генеральскую... челоѣкъ пятнадцать... всѣ на колѣни!... «Прости! говоримъ, для перваго раза, онъ еще совѣтъ молодой... не зналъ ничего, ему братъ и не говорилъ объ твоёмъ строгомъ приказѣ».... «Какой братъ?» спрашиваетъ генералъ.—Атамкулъ, говоримъ... «Я и не зналъ, что у него братъ есть... Это братъ твой?» спрашиваетъ у Атамкула... А тотъ—о, проклятый! о, чтобы кости его ни на землѣ, ни подъ землею не знали покоя, чтобъ его заживо огненная болѣзнь пожрала! — тотъ отказался... «Нѣтъ, говорить, я его не знаю—это не мой братъ»... «Все равно—повѣситъ!» сказалъ генералъ и даже бровью не повелъ... Повели бѣднаго Юнуса... Опять стали просить мы, клялись, что это братъ Атамкула, чтобъ ради заслугъ братнихъ... «Это братъ твой?» еще разъ спросилъ генералъ, Атамкулъ засмѣялся и говоритъ: «Такихъ братьевъ много у меня найдется. Всякій пріѣдетъ, да братомъ называться пожалуй станеть»... Нахмурился генералъ и сказалъ свое послѣднее слово. «Если это братъ твой—я прошу его»... Кинулись мы тогда всѣ въ ноги Атамкулу... сапоги его цѣловали, просили всеѣмъ что ни на есть, заклинали... ждемъ... А ужъ тамъ казаки веревку приготовили, Юнуса къ дереву подтащили... все готово... А мы—ждемъ слова Атамкулова. Стоитъ онъ, въ землю потупился, молчитъ. Темный такой лицомъ сталъ, вотъ какъ земля... То на генерала покосился то на насъ, то въ ту сторону гдѣ Юнуса связаннаго держали»...

«Молитву начали мы тогда Аллаху всемогущему... Отвернулся генералъ и пошелъ въ свою палатку... У самого входа остановился, посмотрѣлъ на Атамкула и проговорилъ: «Ну?» Мы такъ и затаили духъ»....

«Нѣтъ, онъ не братъ мой», тихо-тихо проговорилъ Атамкулъ... Только чуть губы зашевелились у него... Однако всѣ мы, сколько ни на есть, хорошо эти слова его послѣднія слышали»...

«Повѣсили Юнуса! Ушелъ я тогда отъ русскихъ... далеко ушелъ—и только издали присматривался... Все злодѣи этого изъ виду не упустили, все слѣдилъ за нимъ, за каждымъ его шагомъ и ждалъ, когда справедливый Аллахъ пошлетъ на него свою кару».

Замолчалъ Досцакъ и подкинулъ въ огонь еще горстку помета...

— Ну, чтожъ дальше? спросилъ Узень...

— Я дождался! произнесъ Досцакъ и понурилъ свою голову. Понурили свои головы и слушатели.

Поняли они теперь, почему «тотъ, связанный» боится, чтобъ не узнали его, не узнали его имени...

Послышались глухіе барабанные перекаты; труба извѣла въ казачьихъ коновязяхъ. Свѣтлѣе и свѣтлѣе разгоралось небо на востокъ; по вершинамъ холмовъ заиграли лучи восходящаго солнца, ниже спустились,—и загорѣлись рогатки солдатскихъ ружей... Зашевелился лагерь «бѣлыхъ рубахъ», и принялся за свою обыденную работу...

Скоротали лѣтнюю ночь лаучи и разбрелись во всѣ стороны, кому куда надо. Только скоро всѣ въ одно мѣсто собрались... Тамъ и Досцака стараго нашли... Много народу столпилось около «связаннаго». Его подняли на ноги и собирались вести къ допросу въ генеральскую ставку...

(Продолженіе будетъ).

Ученая экспедиція на Аму-Дарью.

Члена экспедиціи, Н. Каразина.

II.

Мы приближались къ устью великой рѣки среднеазиатскаго міра; эта близость наглядно выразилась въ измѣненіи цвѣта воды, окружавшей нашъ пароходъ. Прелестно-изумрудный

цвѣтъ прозрачныхъ морскихъ волнъ, смѣнился—глинисто-желтымъ, мутнымъ.

Собственно Аму-Дарья не доходитъ до Аральскаго моря, по крайней мѣрѣ, на 300 верстъ. Она раздѣляется на нѣсколько

больших рукавов, почти самостоятельных рѣкъ, имѣющих даже свои собственные названія, — эти рукава заливаютъ своими водами громадный треугольникъ — знаменитую Аму-Дарьинскую дельту, изслѣдованіе которой составляло цѣль экспедиціи.

Самый правый и длиннѣйшій изъ рукавовъ — есть Янгису, онъ доходитъ до моря и вливается въ него близъ залива Туизебось. Крайній лѣвый — Тагдыкъ, орошаетъ поля Тюркменъ-Юмудовъ и другихъ родовъ и не доходитъ до моря, потому что весь расходуетъ на орошеніе. Между этими двумя протоками — тянутся Куванъ-Джорма — «Улькунъ-Дарья» съ его рукавомъ «Кичкене» и множество мелкихъ протоковъ и капаловъ, заливающихъ дельту безконечнымъ воднымъ лабиринтомъ.

Почти отъ своихъ верховьевъ, до самаго мѣста развѣтвленія, Аму-Дарья — хорошо судоходна; но отъ мѣста развѣтвленія — къ морю до сихъ поръ не было еще найдено прохода, и судоходство Аму, вслѣдствіе запертыхъ устьевъ, приносило не очень-то много выгодъ для насъ, занявшихъ, въ силу послѣднихъ военныхъ событій, эту территорію.

Надо было пайдти выходъ въ море для нашихъ пароходовъ: это тоже составляло одну изъ главнѣйшихъ задачъ нашей программы.

Въ сильные морскіе бинокли мы замѣтили наконецъ на горизонтѣ тонкую черточку, — это была вѣха — указатель входа въ устье.

Берега Аральскаго моря, особенно съ той стороны гдѣ вливаются въ него Амударьинскіе протоки, совершенно плоски; это просто обсохшія отмели наноснаго песку, покрытыя кое гдѣ камышемъ, единственною растительностью поморья. Кромѣ этихъ открытыхъ отмелей, есть еще множество подводныхъ, опасныхъ для судоходства тѣлъ, что онѣ не имѣютъ постоянноопредѣленнаго мѣста, а переползаютъ съ мѣста на мѣсто, подчиняясь теченію воды и силѣ прибои морскихъ волнъ.

Первый рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ № нашего журнала, изображаетъ входъ изъ моря въ рукавъ «Улькунъ-Дарья». Совершенно плоскія отмели, почти обнаженные, любимыя пріютъ морскихъ птицъ: чаекъ, рыболововъ и прибрежныхъ куличковъ, — занимаютъ всѣ первые и дальніе планы картины. Ближе всего стоянка каракалпаковъ (это преобладающее населеніе дельты), около нея нѣсколько оригинальныхъ туземныхъ лодокъ, каяковъ съ сильно загнутыми носовыми и кормовыми частями, на которыхъ каракалпаки переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, перековывають на водѣ, а также и рыбачать, что составляетъ одинъ изъ главныхъ ихъ промысловъ. Подальше, на далеко вдающейся въ воду песчаной косѣ, дымится другая стоянка, побольше первой и поблагоустроеннѣе. То уже русскіе рыболовы, пришедшіе изъ устья Сыръ-Дарья, устроили свою рыболовную станцію. Рыбы, преимущественно осетровъ и сомовъ, водится въ Аму множество, и пользуясь болѣе усовершенствованными снарядами для ловли, русскіе рыбаки являются для туземцевъ опасными конкурентами.

Еще дальше, почти на послѣднемъ планѣ картины, виднѣя пароходъ «Самаркандъ», съ двумя баржами на буксирѣхъ. На его палубѣ всѣ члены экспедиціи и прибыли въ первый разъ къ предѣламъ страны, предназначенной для научнаго изслѣдованія. За пароходомъ ровною лентою тянется Аральское море, рѣзко отдѣляясь своею синевою отъ знойно сѣраго неба. День жаркій, тихій, вода какъ зеркало — не шелокнется, по небу плывутъ небольшія облачка, — это почти обыкновенная постоянная погода въ продолженіи восьми — мѣсячнаго лѣта.

Дожди выпадаютъ въ этой мѣстности рѣдко, не смотря даже на обиліе водяныхъ испареній, — такъ великъ жаръ окружающіхъ песчаныхъ пустынь, поглощающихъ эти испаренія, едва только они начнутъ насыщать нагрѣтый воздухъ. Сухія грозы съ сильными ударами грома и буйными порывами вѣтра — явленіе здѣсь очень частое и наноситъ мѣстнымъ хлѣбонашцамъ не мало вреда, особенно тѣмъ изъ нихъ, чьи плантаціи лежатъ близко отъ границы орошенныхъ водою земель съ безводными, мертвыми, сыпучими песками.

При помѣщеніи слѣдующихъ рисунковъ, я подробно говорю объ этой интересной борьбѣ песковъ съ воздѣланною землею или, правильнѣе, съ испоконвѣчными трудами каракалпака земледѣльца.

Самыя важныя препятствія для хорошаго судоходства по протокамъ дельты — это мелководья и камышевыя заросли. Послѣднія достигаютъ здѣсь такихъ размѣровъ, о которыхъ развѣ только индѣйскіе джунгли могутъ дать относительное понятіе. Слѣдуя вверхъ по Улькунъ-Дарьѣ и пройдя крѣпостцу Акъ-Кола, знаменитую по бою съ нашими пароходами въ 1873 году во время хивинскаго похода, мы на другой день къ утру вошли въ озера Сары и Каракуль, образовавшіяся отъ разлива Улькунъ-Дарья далеко въ обѣ стороны.

Видъ этого гигантскаго озера былъ положительно грандіозенъ. Громадныя пространства открытой воды разстилались передъ нами; глубина превосходная, суда идутъ безпрепятственно — но эти препятствія уже впереди — они видны. Яркая зеленая полоса тянется по всему горизонту, — это гигантскіе камыши — они растутъ на днѣ, на глубинѣ девяти, двѣнадцати и даже болѣе футовъ, а надъ поверхностью воды достигаютъ росту до двадцати пяти футовъ. Цвѣтковыя метелки достигаютъ почти половины пороходныхъ трубъ. Это непроходимыя чащи зеленыхъ острововъ, между которыми извивается цѣлый лабиринтъ безчисленныхъ проходовъ, доступныхъ для туземной лодки, но не для нашихъ большихъ пароходовъ. Разчистка этихъ камышей немислима: чудовищная растительность, возобновляясь ежегодно, разобьетъ въ прахъ всѣ усилія человѣческихъ рукъ, всѣ усилія приспособленныхъ машинъ, и потребуетъ безпощадной затраты суммъ — и суммъ весьма солидныхъ, годныхъ на другое, болѣе полезное по результатамъ, дѣло.

Міриады комаровъ наполняютъ воздухъ этихъ зеленыхъ лабиринтовъ. Тысячи птичекъ живутъ въ этихъ камышахъ какъ въ лѣсу, вьютъ гнѣзда межъ его стеблями и носятся надъ водою, наполняя воздухъ разнообразными звуками. Онѣ покойны за цѣлость своихъ яицъ, а послѣдствіемъ птенцовъ; никакой сулупутный врагъ не проберется къ ихъ гнѣздамъ. — Рыба плаваетъ цѣлыми колонами; словно темныя бревна, виднѣются сквозь прозрачную воду большоголовые сомы, шныряютъ щуки и всякая мелкая рыба, заходятъ и осетры для метанія икры. Эти рыбы любятъ пользоваться затишьемъ и покоемъ защищенныхъ камышами водъ.

И люди селятся здѣсь на водѣ — только не навсегда, а на время, лѣтомъ, ради рыбной ловли. Они устрояютъ свое жилище слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: подплываютъ на лодкахъ къ большой группѣ камышей, подрѣзываютъ ихъ на четверть аршина отъ воды — и на ихъ комли, какъ на частую упругую щетку, настилаютъ сръзанное. Образуется плотъ на свяхъ, хотя и тонкихъ, но за то многочисленныхъ и этотъ помостъ свободно сдерживаетъ тяжесть нѣсколькихъ человѣкъ и ихъ домашняго скарба.

Надъ помостомъ, на привязанныхъ подъ водою шестахъ, настиается легкая крыша, защищающая отъ солнечнаго зноя. Такимъ образомъ всѣ неудобства устранены, кромѣ комаровъ, отъ которыхъ не всегда спасешься даже подъ плотнымъ холщевымъ пологомъ.

На такой же помостъ насыпаютъ въ одномъ мѣстѣ земли и песку, привезеннаго съ собою для этой цѣли съ твердой земли, и на этомъ слоѣ несгораемаго вещества раскладывается огонь для варки пищи и для дымокуровъ, то есть костровъ для дыма (тоже средство борьбы человѣка съ міриадами злыхъ и кровожадныхъ насѣкомыхъ).

Второй нашъ рисунокъ изображаетъ такую рыбачью станцію въ озерахъ Саракуль. На первомъ планѣ оригинальная вѣха для обозначенія прохода; это просто въ пучекъ связанная охапка камышевыхъ стеблей — и дешево, и просто, и издали видно. У навіса привязаны лодки рыбаковъ, сами рыбаки заняты своимъ дѣломъ въ шалашѣ, — а вонъ, подальше, висятъ и результаты ихъ ловли: повѣшенная для провяливанія на солнцѣ рыба.

За этими камышами — чуть виднѣтся — горная полоска Кусконъ Тау — на нашемъ рисункѣ ихъ не можетъ быть видно, онѣ значительно дальше. Намъ не удалось пробраться къ ихъ подножью на пароходѣ. Самаркандъ сталъ, за полную невозможностью продолжать путь дальше, и мы достигли берега уже въ гребняхъ шлюбокъ.

Отсюда начинается уже сухопутное путешествіе — на ко-
няхъ, на арбахъ и ибшкѣ, изрѣдка приходится пользо-
ваться и туземными кайками—лодками. Вообще путешествіе

предстоитъ и разнообразное и въ высшей степени инте-
ресное.

(Продолженіе будетъ).

КАКЪ ИХЪ СУДИТЬ?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

III.

Къ выполненію своего плана, Заварницкій приступилъ тот-
часъ-же послѣ рѣшенія объ этомъ. Онъ началъ доставленіе-
мъ Алевтинѣ книгъ, первоначально преимущественно беллетри-
стическаго содержанія, въ которыхъ шли трактаты о жизни,
— и при бесѣдахъ о нихъ, онъ знакомилъ Алевтину съ
своими взглядами и теоріями. Такъ прошло мѣсяца два или
три, за которые Заварницкій уже успѣлъ окончить курсъ въ
академіи. Вдругъ, внезапно, всѣ планы Заварницкаго были
разрушены... Въ числѣ частныхъ посѣтителей Мономаховыхъ
былъ Захаръ Матѣевичъ Дребезгинъ, оказывавшій Алевтинѣ
постоянно глубокіе знаки вниманія и уваженія, которые она,
ничего не подозревая, принимала съ благодарностью и лю-
безностью. Дребезгинъ въ то время былъ еще не такой ста-
рикъ, какимъ мы видѣли его въ пассажѣ, хотя ему и тогда
уже было за пятьдесятъ лѣтъ; молодцоватости его много спо-
собствовали: корсетъ, носимый имъ, и заграничная краска,
которою онъ чернилъ свои волосы, усы и баки. Въ одинъ
день, предъ обѣдомъ, Алевтина была приглашена въ кабинетъ
М-ме Момаховой. Дѣвушка знала, что тетка ея звала кого
нибудь въ свои покои лишь въ особенно важныхъ и экстрен-
ныхъ случаяхъ, а потому пошла къ ней не безъ волненія,
какъ бы предчувствуя что-то недоброе. Момахова была пол-
ная, дородная и весьма скучная особа, говорившая докто-
ральною тономъ и съ мельчайшими, совершенно ненужными
подробностями. Но тѣмъ не менѣе очень не глупая, харак-
терная, державшая въ рукахъ мужа и настойчивая въ своихъ
требованіяхъ, когда хотѣла поставить чтонибудь по своему
желанію. Рѣчь свою къ Алевтинѣ она повела также издалика.
Тетка долго распространялась передъ своею племянницею о
знатности дома бароновъ Цадебелей, происходящей отъ зна-
менитыхъ ливонскихъ рыцарей, о положеніи дѣвушки ея
круга и званія, о необходимости сдѣлать приличную партію,
шаконецъ, о родѣ и заслугахъ Дребезгина, и кончила объяв-
леніемъ о сдѣланномъ имъ предложеніи Алевтинѣ. Эта длин-
ная рѣчь, заставившая въ началѣ скучать Алевтину, а въ
концѣ краснѣть и блѣднѣть, принесла однако-же своего длин-
нотою ту пользу, что дѣвушка успѣла приготовиться, что
отвѣчать теткѣ.

— Дня чрезъ три, ma tante, робко проговорила дѣ-
вушка, нагнувъ покраснѣвшую головку и теребя кружева
носового платка, — я скажу вамъ отвѣтъ... Я соображу...

— Сообра-а-а-ажу!... удивленно воскликнула М-ме Мо-
махова, — давно-ли это такіа молоденькія дѣвушки, какъ
ты, стали соображать?... Кажется, я и твой дядя, безъ воли
котораго, по духовному завѣщанію твоего отца, ты не имѣешь
права выдти замужъ, — умѣе и опытиѣ тебя въ этомъ дѣлѣ.
Партія съ Дребезгинымъ — такая приличная въ настоящее
время, какую трудно и найти... Самъ Богъ, какъ сиротѣ,
посылаетъ тебѣ счастье. Конечно, ты невѣста съ приданымъ,
но по своему званію далеко не съ огромнымъ... И ты всего
не знаешь: теперь не прошлое время: всѣ дворяне-помѣщики
страшно разорены; они проживаютъ, ничего не наживая...
Сдѣлай тебѣ предложеніе графъ Улусовъ, князь Вѣжинъ или
баронъ фонъ Ригель я бы еще призадумалась, не пойдетъ-ли
твое приданое на уплату долговъ... Но Дребезгинъ—это дѣло
совершенно другаго рода... Эта медленность очень повредитъ
тебѣ въ его глазахъ... Какъ онъ на это еще посмотритъ!
Мой совѣтъ сейчасъ-же припять его предложеніе; такъ точно
думаешь и твой дядя...

— Но, тетя!... я умоляю васъ! И молодая дѣвушка бро-
сила цѣловать пухлые ручки своей тетки... М-ме Мома-

хова крайне любила это и смячилась; она даже нашла от-
вѣтъ племянницы весьма благоразумнымъ.

— Ну, ступай: Богъ съ тобою, вертушка, порѣзвись, но
смотри, чтобы чрезъ три дня я могла дать Захару Матѣе-
вичу твое согласіе.

Но Алевтина пошла не рѣзвиться. Въ сердцѣ своемъ дѣ-
вушка рѣшила непремѣнно отказать въ своей рукѣ Дребез-
гину, — но она ждала отъ тетки и дяди разныхъ сценъ, не-
пріятностей, не знала какъ избѣжать ихъ, а потому задумала
прибѣгнуть къ совѣту Заварницкаго и попросить его
научить, какъ ей дѣйствовать. Это и была причина, по
которой Алевтина просила у тетки трехдневной отсрочки.
Предложеніе Дребезгина, само собою разумѣется, огорчило дѣ-
вушку, но не въ такой степени, въ какой можно было пред-
положить, потому что отношенія ея къ Заварницкому въ то
время были въ такомъ положеніи, что она хотя со страхомъ,
но не безъ примѣси радости, встрѣтила эту непріятность,
какъ кризисъ который выяснитъ ихъ. Алевтина не понимала:
любить или нѣтъ ее Заварницкій? Послѣ страстной сцены въ
саду, онъ какъ будто перемѣнился и сдѣлался еще серіознѣе.
На другой день, встрѣтись съ нимъ, Алевтина ждала отъ
него тѣхъ-же страстныхъ порывовъ — и ломала голову, какъ
бы сколько-нибудь удержать ихъ; вмѣсто того, онъ подо-
шелъ къ ней хотя и блѣдный, но довольно спокойный, дер-
жа въ рукѣ два небольшихъ томика книгъ, которые предло-
жилъ ей прочесть, ни слова не напоминая о вчерашнемъ и
повелъ рѣчь о постороннемъ предметѣ, какъ будто между
ними ничего не было. Это даже оскорбило дѣвушку... Въ
послѣдующія, весьма частыя свиданія съ Алевтиной, Завар-
ницкій бесѣдовалъ съ нею или о книгахъ, или о научныхъ
предметахъ, или рассказывалъ ей эпизоды изъ собственной
жизни, жизни своихъ товарищей и знакомыхъ — и ни единого
слова о любви!... Бѣдная дѣвушка не знала, что ей и ду-
мать о признаніи Заварницкаго.

Какъ всякая женщина, какъ бы она молода ни была,
Алевтина пустила въ ходъ и кокетство, но Заварницкій по-
смотрѣлъ на это странно. Рѣдкій день она не слышала отъ
другихъ самой восторженной похвалы своей красотѣ, но
Заварницкій какъ бы далъ слово не замѣчать ея... Ни за-
нятія, ни серіозное чтеніе, доставляемое ей Заварницкимъ,
не могли отвлечь ее отъ постоянной мысли объ одномъ и
томъ же — о разрѣшеніи мучившаго ее вопроса: любить она или
нѣтъ?... Чувство ея, поджигаемое препятствіями и самолю-
біемъ, достигло полного разгара. Оно же крѣпло и у Завар-
ницкаго, хотя отъ другихъ причинъ. Правда, когда Алев-
тина воодушевлялась чѣмънибудь и говорила, она замѣчала,
что Заварницкій пожиралъ ее глазами и въ нихъ сверкала
страсть. Въ рукѣ своей она чувствовала его руку всегда
дрожащей, то горячую, то холодную какъ ледъ. Она за-
мѣчала, что при прощаніи съ нею, когда они бывали *tête à*
tête, онъ находился въ какомъ-то нервномъ, доходящемъ до
неловкости состояніи и порою хотѣлъ что-то сказать, обнять
ее даже, но поспѣшно сейчасъ-же уходилъ... Что бы отвѣ-
чала Заварницкому Алевтина, еслибы онъ ей высказалъ свои
планы и сдѣлалъ предложеніе, — этого дѣвушка сама не знала
и не разсуждала объ этомъ предметѣ; но ей хотѣлось, чтобы
Заварницкій сдѣлалъ это предложеніе и желала еще разъ
услышать прежнее признаніе... Заварницкій не дѣлалъ этого,
не просилъ поцѣлуя и сталъ избѣгать *tête à tête*, призывая
къ себѣ на защиту въ этихъ случаяхъ — или своего ученика,
или зачѣмъ-нибудь прислугу...

— Что-то онъ скажетъ мнѣ, когда я ему сообщу предло-

№ 3

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕ МЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 ко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москву: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.
- ПОДПИСКА** принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

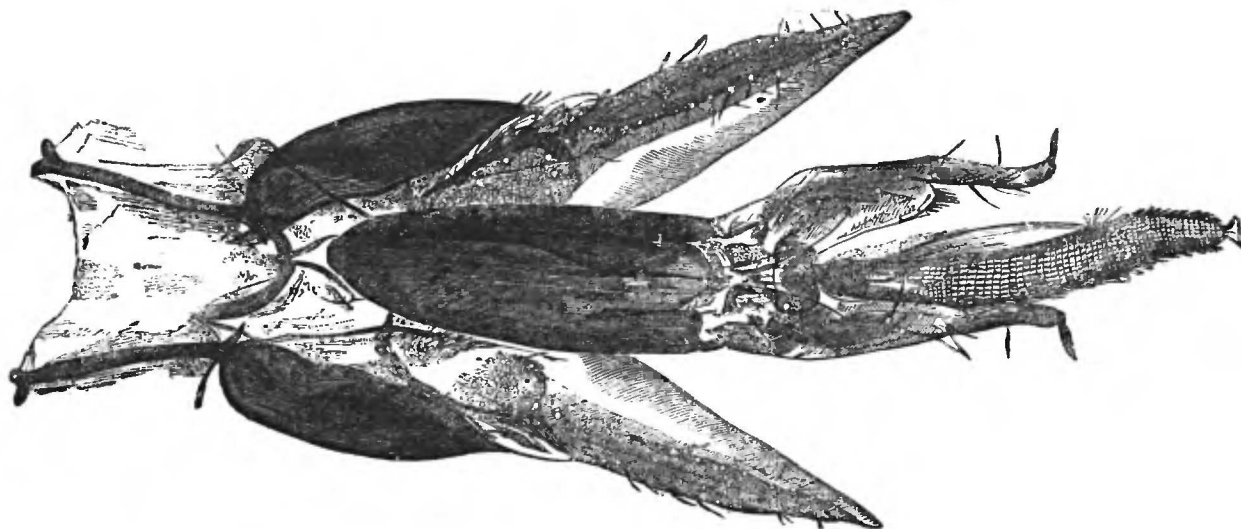
Каждый новый подписчикъ на 1875 г. получаетъ всѣ уже вышедшіе номера.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ

Пчела медоносная (по Фрэму).

Наружный видъ пчелы извѣстенъ почти каждому. Это большая муха чернаго цвѣта,—но, вслѣдствіе того что она покрыта красножелтыми волосками, кажущаяся намъ рыжею.

образующими родъ щетки для сметанія пыли съ цвѣтовъ; затѣмъ, при такихъ прекрасно устроенныхъ орудіяхъ добыванія пищи и превосходной лабораторіи внутри тѣла, гдѣ вырабаты-

Языкъ (сосательный хоботокъ) пчелы, сильно увеличенный.

Между пчелами различаютъ три сорта: 1) самокъ или матокъ, *царицъ*, 2) самцовъ или *трутней* и 3) бесполовъ или *рабочихъ* пчелъ. Послѣднія отличаются отъ матокъ или трутней: большею длиною языка и челюстей, посредствомъ которыхъ онѣ высасываютъ сокъ изъ глубины цвѣтка,—ямочкою на наружной поверхности заднихъ лапокъ, которая служитъ какъ-бы коробочкой для собиранія цвѣточной пыли; болѣе густыми волосками на ножкахъ,

ются медъ, воскъ и питательная кашка для потомства, онѣ одарены еще изумительнымъ трудолюбіемъ и неутомимою дѣятельностію. Онѣ поэтому вполне заслуживаютъ данное имъ названіе *рабочихъ*.

Въ высшей степени интересна жизнь пчелъ, которая устроена на общественныхъ началахъ, напоминающихъ собою чело-вѣческое государство.

ними зубами. Съ удаленіемъ изъ улья тѣлъ убитыхъ трутней, наступаетъ прежній мирный порядокъ.

Въ это время обыкновенно уменьшается сборъ питательнаго матеріала, вслѣдствіе увяданія цвѣтовъ и изсяканія источниковъ, — и пчелы перѣдко бывають выпущены приступить къ запасамъ, сдѣланнымъ на зиму. Если-же и такихъ запасовъ сдѣлано мало, тогда пчелы прибѣгаютъ къ воровству. Сначала нѣсколько пчелъ отправляются высматривать чужіе улья — и затѣмъ организуется цѣлая шайка, производящая набѣги съ цѣлью грабежа. Правда, хищникамъ часто достается отъ владѣльницъ улья, которыя жизнью отстаиваютъ свою собственность, но перспектива голодной смерти придаетъ имъ отваги. Такіе набѣги совершаются въ теченіе августа, октября и даже ноября.

Съ наступленіемъ зимы начинается время отдыха для пчелъ. Онѣ запираются въ своихъ ульяхъ, садятся кучками плотно прижимаясь другъ къ другу, чтобы такимъ образомъ было теплѣе, и лишь изрѣдка въ солнечную погоду вылетаютъ за водою и за такъ-называемою «большою нуждою». Замѣчательно, что пчела весьма рѣдко совершаетъ свои природныя отправленія дома, а всегда на улицѣ, такъ что въ этомъ отношеніи ее можно причислить къ самымъ опрятнымъ животнымъ. Питаются онѣ въ теченіи зимы тѣмъ запасомъ меда, который сдѣланъ былъ лѣтомъ. Зимній сезонъ продолжается для нихъ до марта, а иногда до апрѣля.

Уже первые лучи весенняго солнца служатъ для пчелъ стимуломъ, пробуждающимъ ихъ отъ зимняго покоя. Съ громкимъ жужжаніемъ и шумомъ онѣ вырываются изъ улья — и рѣзко летаютъ по воздуху, видимо радуясь полученной вповь свободѣ. Первое дѣло, которымъ онѣ празднуютъ свой выходъ изъ заключенія, это испражнение. Если случайно какалъ нибудь хозяинка выѣсила не подалеку отъ улья сущиться бѣлье, то она будетъ крайне огорчена, увидѣвъ его въ нѣсколько минутъ покрывшимся сплошь бурю крапчатую животиною. Пчелы, какъ и всѣ прочія наѣдошныя, любятъ садиться на свѣтлые предметы. Затѣмъ начинается чистка и уборка улья, точно предъ большимъ праздникомъ. Тѣла умершихъ пчелъ выносятся вонъ; крышки, упавшія съ клѣтокъ при добываніи изъ нихъ пищи, и сотнями валяющіяся на полу,

подбираются и тоже выбрасываются; испорченные соты исправляются. Словомъ, работа кипитъ, несмотря на то, что пчелы порядкомъ поистощились въ теченіи зимы. Вылеты изъ улья принимаются только въ хорошую погоду. Затѣмъ начинается постройка новаго рода клѣтокъ большей величины, нежели прежнія, и въ нихъ матка кладетъ яйца, изъ которыхъ черезъ двадцать четыре дня выходятъ новые трутни. Въ отдаленномъ углу улья устраиваются нѣсколько клѣтокъ еще большей величины и цилиндрической формы, которыя снабжаются всѣми удобствами: это клѣтки будущихъ царицъ. За этими клѣтками рабочія пчелы ухаживаютъ съ величайшею заботливостію, доставляя имъ самую лучшую пищу. Новыя матки созрѣваютъ на семнадцатый день послѣ кладки яйца — и тутъ-то дѣла улья начинаютъ усложняться. Старая матка, чую скорый конецъ своему царствованію, безпечно ходитъ взадъ и впередъ по улью и вслѣдствіи старости уничтожить своихъ соперницъ. Но это ей рѣдко удается, такъ какъ жизнь послѣднихъ тщательно охраняется рабочими пчелами. Матка тогда остается одно — выселиться изъ улья, что она и дѣлаетъ. Съ толпою вѣрныхъ подданныхъ она отправляется искать новую территорію, гдѣ она можетъ основать новое государство. Пчеловоды, предвидя это уже заранѣе, готовятъ для новой колоніи кто домики, кто ящики, кто просто колоды. Между тѣмъ въ старомъ ульѣ приговляются къ торжественной встрѣчѣ молодой царицы, долженствующей наследовать матери. Хорошо еще, если она родилась одиночкой; но горе, когда родились еще сестры: споръ о наследіи престола рѣшается тогда путемъ кровавой междоусобной войны, послѣдствіемъ которой бываетъ либо смерть остальныхъ претендентокъ, либо ихъ выселеніе. Въ послѣднемъ случаѣ являються новыя колоніи или такъ называемыя «вторичныя рои». Остается еще упомянуть о одномъ куріозѣ. Въ случаѣ, если по какимъ-либо обстоятельствамъ матка погибаетъ — и на ея мѣсто не предвидится новой, выбираютъ одну изъ рабочихъ пчелъ, обыкновенно самую сильную, и оказываютъ ей такое же вниманіе, какъ и настоящей, кровной царицѣ. Благодаря отдыху и хорошей пищѣ, она скоро начинаетъ класть яйца, — но увы! изъ этихъ яицъ выходятъ одни только трутни.

Аму-Дарьинская ученая экспедиція.

III *).

Природа и типы Аму-Дарьинской дельты.

Вся громадная дельта Аму, — эта неизвѣданная еще, загадочная страна, изсѣдованіе которой составляло цѣль нашей экспедиціи, — есть по преимуществу страна водъ... Не смотря даже на близкое сосѣдство такихъ необъятныхъ, совершенно безводныхъ пустынь, — страна эта сохраняетъ рѣзкія черты, отличительно рознящія ее отъ прочихъ оазисовъ, — черты исключительно принадлежащія воднымъ, богато-орошеннымъ странамъ.

Земель удобныхъ непосредственно для обработки — здѣсь очень мало, а мѣстами и нѣтъ вовсе; открытыя обширныя водныя пространства смѣняются болотами и топями, или-же сплошными чащами камыша, джунгила, дикаго терновника и прочей подобной растительности, обусловленной единственно обиліемъ влажности въ странѣ. Слабыя руки полу-дикаря земледѣльца очищаютъ себя подъ плантацію небольшіе участки — и не всегда силы этихъ рукъ достаточно чтобы годъ въ годъ поддерживать разъ-одржанную побѣду; иначе дикая растительность поглотитъ все, что имъ приобрѣтено съ величайшими усиліями, — усиліями быть можетъ такими, что повторить ихъ земледѣлецъ уже не въ состояніи.

Отходя отъ этихъ топей и зарослей, отступая туда гдѣ водъ все-таки не такъ уже много, — земледѣлецъ попадаетъ между двухъ огней: на него надвигаются страшные сосѣди — сыпучіе пески; а пески эти подступили вплотную, они стоятъ на самомъ такъ-сказать порогѣ.

Вѣтеръ, дуя со стороны этихъ мертвыхъ пространствъ, наноситъ цѣлыя тучи мелкаго песка и пыли, движетъ впередъ цѣлыя песчаныя горы, измѣняетъ ихъ очертанія и заваливаетъ оросительныя каналы земледѣльца, покрываетъ толстымъ слоемъ обработанныя пространства.

И плоды колосальныхъ усилій человѣка гибнуть разомъ — и гибнуть безвозвратно.

*) См. I и II статьи въ „Нивѣ“ 1874 г., стр. 566 и 694.

Интересно прослѣдить эту пограничную черту между мертвыми песчаными пустынями и обработанною землею. Путешественникъ ежеминутно видитъ передъ собою разные признаки этой безконечной борьбы рукъ земледѣльца съ природою: тамъ побѣждаетъ одинъ, — здѣсь побѣждаетъ другая; — тамъ въ пески выдвинулась цѣлая система арыковъ, по этимъ арыкамъ протекла вода, словно свѣжая кровь, выпрыснутая въ жилы умирающаго тѣла, — эта вода оживила мѣстность, — желтый однообразный фонъ заперстрѣлъ зеленью, въ зелени защебетали птицы, умирающее тѣло ожило.

А рядомъ, въ свою очередь, въ самую глубь плантацій врѣзались пески, покрыли поля, — потушили разгорѣвшуюся было жизнь, — и торчатъ въ этомъ пеклѣ: высохшіе стволы деревьевъ, разрушенные стѣны сакель, погребенныхъ подъ аршиннымъ и болѣе слоемъ.

Много рукъ надо чтобы съ успѣхомъ выдерживать эту непрерывную борьбу, а рукъ этихъ очень и очень не много, ихъ даже менѣе чѣмъ достаточно; — поневолѣ человѣку пришлось держаться поближе къ водамъ и приравливать всю свою жизнь, всю свою обстановку такъ, чтобы въ этихъ водныхъ массахъ видѣть не враговъ своихъ, а союзниковъ — друзей.

Пришлось, значитъ, жить земноводною жизнью; — такъ и сложилась жизнь въ низовьяхъ Аму-Дарьинской дельты. Земля и ея плоды заняли второстепенную роль; вода и то, что въ ней и на ней, заняли первую....

Верблюды, это кровное дитя пустынь безводныхъ, далеко отошелъ отъ береговъ въ свои степи; — какъ, лодка замѣнила его здѣсь въ низовьяхъ — и замѣнила не безъ значительной выгоды для человѣка.

Обитатель этихъ земноводныхъ ауловъ — болѣе кочевникъ чѣмъ осѣдлый. Онъ не можетъ положиться на жилище постоянное; что можетъ гарантировать ему безопасность? можетъ-ли онъ быть увѣренъ, что завтра вода не подступитъ къ его порогу и не подмочитъ стѣны его сакли? — Кибитка легкая, во всякую минуту легко переносимая, — дѣлается его постояннымъ обиталищемъ.

Аму-Дарьинская ученая экспедиция. Демонстрируют на Аму-Дарь.

Рисов. членъ экспедиции Н. Н. Карзининъ, грав. Стешковский.

Аму-Дарьинская ученая экспедиция. Ночное на рѣкѣ Бичейли.

Рисов. членъ экспедиціи Н. Н. Карзинъ, грав. Болотскій.

Эти кибитки значительно рознятся от кибитокъ стѣнныхъ кочевниковъ, болѣе прочныхъ, комфортабельныхъ, достигающихъ иногда значительныхъ размѣровъ и тяжести, — такихъ кибитокъ, что на подъемъ и разборку ихъ потребно по нѣскольку верблюдовъ. Здѣшняя кибитка — маленькая и легкая; одинъ только верхъ ея войлочный, — стѣны же изъ камыша, подобраннаго и связаннаго, на манеръ того какъ у насъ дѣлаютъ балконныя деревянныя шторы.

Подобную кибитку одинъ человекъ можетъ снять и уложить въ лодку менѣе чѣмъ въ полчаса, — въ столько же времени — онъ можетъ и снова поставить ея на мѣсто. Начинается наводненіе; — весь аулъ, угрожаемый этимъ наводненіемъ, быстро поднимается на ноги, снимаетъ свои жилища, укладываетъ ихъ на лодки со всѣмъ незатѣйливымъ домашнимъ скарбомъ, — и перебирается на новое, сухое мѣсто, до котораго вода доберется еще не скоро, а можетъ быть и со всѣмъ не доберется.

Главный промыселъ этихъ ауловъ — рыболовство, — а это тоже такой промыселъ, что не позволяетъ сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ; рыба тоже любитъ жизнь кочевую.

Я уже говорилъ, въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ писемъ, о бытѣ и жизни кочевыхъ рыбаковъ каракалпаковъ, о ихъ временныхъ жилищахъ, на водахъ озеръ Сары-Куль и Кара-куль. Эти рассказы довольно ясно характеризуютъ ихъ жизнь, чтобы теперь распространяться о томъ же болѣе.

По всѣмъ низовьямъ дельты нельзя найти и одного пункта, куда невозможно бы добраться водою, — а потому — водные пути суть главнѣйшіе пути сообщенія съ дельтой. Опять верблюдъ оказывается совершенно лишнимъ, его услугъ не требуется, да кстати — животное это и само не можетъ переносить влажнаго климата низовьевъ, не можетъ выдержать этихъ испытаній — въ видѣ міриадъ комаровъ и прочей кусающей твари. Верблюдъ бѣжитъ въ свои сухія степи, — и ни за какія деньги вы не найдете лѣтомъ близко отъ низовьевъ даже одного пресловутаго *корабля пустыни*.

Корова, коза, баранъ, отчасти лошадь, — вотъ все что нужно каракалпаку: корова составляетъ роскошь, доступную не для каждаго; лошадь еще большую роскошь; — остается баранъ и коза, но первый, тоже какъ и верблюдъ, сынъ степей и не любитъ воды и ея тумановъ, хирѣетъ и дохнетъ; остается коза, все переносица, — ко всему примѣняющаяся. — И вотъ это животное составляетъ главнѣйшій элементъ низоваго скотоводства.

Коза даетъ шерсть и молоко для дѣтей; хлѣба можно вымѣнять на рыбу у осѣдлыхъ земледѣльцевъ, — денегъ можно достать, завязавшись перевозкою тяжестей по водамъ арыковъ, протоковъ и безчисленныхъ рукавовъ Аму, — и жизнь каракалпака, полукочеваго рыбака совершенно удовлетворена. Она полна; ему больше и желать нечего, — да кстати, постоянный дамокловъ мечъ, висѣющій надъ головою каракалпака, это страхъ тюркменскихъ набѣговъ, — для него имѣетъ мало значенія. Кто мѣшаетъ ему снять свои кибитки при первомъ тревожномъ крикѣ, уложить эти кибитки въ лодки (кайки), забрать на нихъ женъ своихъ и дѣтей — и уйти въ озера, въ самую глубь этихъ недоступныхъ камышей, куда уже, на вѣрное, никакой тюркменъ не доберется.

Казалось бы, при подобной обстановкѣ — всѣ изобрѣтательныя способности, всѣ силы ума у низоваго каракалпака должны были быть устремлены на судостроеніе и усовершенствованіе лодокъ; на дѣлѣ же выходитъ совсѣмъ напротивъ — такого-же устройства кайки, каковы были нѣсколько вѣковъ тому назадъ, быть можетъ даже такіе что перевозили знаменитаго путешественника Марко-Поло, — существуютъ и понынѣ, безъ всякихъ измѣненій и приспособленій. Эти кайки отличаются одинъ отъ другаго только размѣромъ: — самые большіе достигаютъ до двадцати-пяти аршинъ длины и шести ширины; самые маленькіе аршина четыре длины при ширинѣ только аршинъ. Строятся кайки очень незатѣйливо, хотя довольно оригинальнымъ способомъ.

Начинается постройка кайки такъ: вырывается яма въ землѣ

на берегу, совершенно такой формы какую жзлаютъ придать лодкѣ, — стѣнки и дно этой ямы тщательно выравниваются и смазываются глиною. Устроивъ эту форму, начинаютъ обкладывать ее кусками дерзва, — сажаютъ эти куски на шипы, проконопачиваютъ промежуточныя щели сухими цѣбовыми мотелками камыша, оставляя на кормѣ и носу узкіе промежутки для вставки носоваго и кормоваго брусевъ, вырубленныхъ изъ цѣлага дерева, по одной и той же формѣ; эти части довольно ясно замѣтны на нашемъ рисункѣ. Затѣмъ, связываютъ всю постройку поперечными перекладинами, бимсами, — и, когда дѣло окончено, созываютъ какъ можно больше народу, чтобы прямо руками вынуть построенное судно изъ земли, — дотащить его до воды и спустить.

Работа большого кайки тянется недѣли двѣ, даже больше. Страшная дороговизна лѣснаго матеріала влечетъ за собою конечно и большую стоимость лодокъ; такъ напримѣръ, хороший новый кайкъ большого размѣра цѣнится въ четыреста и болѣе хивинскихъ тилли *), сумма по-здѣшнему весьма значительная.

Обладатель большого кайки — можетъ смѣло считать себя человекомъ богатымъ и совершенно обезпеченнымъ. — Перевозя товары и продукты съ мѣста на мѣсто, онъ получаетъ за провозъ довольно значительную плату, вполне достаточную для удовлетворенія всѣхъ его семейныхъ потребностей и позволяющую кромѣ того скопить изрядный запасной капиталъ. Хорошій кайкъ приноситъ хозяину въ годъ до пятисотъ и болѣе тиллей, — такъ что въ первый же годъ окупаетъ съ барышемъ стоимость постройки.

Маленькіе кайки строятся такимъ же образомъ какъ и большіе, но обходятся несравненно дешевле, потому что дороговизна дерева обуславливается главнымъ образомъ его размѣрами: трудно найти большой брусъ — длиннѣе пяти аршинъ; мелкій-же лѣсъ встрѣчается въ гораздо большемъ количествѣ. Особенно цѣнятся бимсы и кормовыя части, а въ малыхъ лодкахъ эти части не имѣютъ большого значенія.

Бѣдныя семейства имѣютъ общественныя кайки, по одному на нѣсколько семей, — есть и такіе бѣдняки, что всю жизнь не могутъ собраться обзавестись собственной лодкою, а потому вѣчно работаютъ за плату у владѣльцевъ судовъ — и работаютъ они положительно за бездѣлицу, принимая въ расчетъ ихъ тяжелую, полную всевозможныхъ лишеній, трудовую службу.

Внизъ по теченію кайки ходятъ на веслахъ и шестахъ, вверхъ только на лямкахъ, тягою по берегу, — даже самые маленькіе кайки не могутъ выгребать веслами противъ течения, и если дно глубоко и до него нельзя достать шестомъ, то и имъ приходится пользоваться исключительно этимъ допотопнымъ способомъ.

Бурлачество, явленіе умершее у насъ на Волгѣ, — здѣсь, на Аму-дарѣ, живетъ еще полною жизнью.

Наши рисунки изображаютъ переѣздъ членовъ экспедиціи по протокамъ Аму-Дарьи вверхъ тягою на лямкахъ; одинъ — самое плаваніе, другой — остановку на ночлегъ.

Вотъ вамъ типы Аму-дарьинскихъ бурлаковъ — «кайкчи». Оборванные, босоногіе, въ громадныхъ, отрепанныхъ бараньихъ шапкахъ, они мѣрно, нога въ ногу, тянутся по поросшему камышемъ берегу... Дорога ихъ тяжелая и небезопасная. — То имъ приходится пробираться сквозь чащу колючаго кустарника, то лѣзть по самому краю обрыва, рискуя ежеминутно быть сдернутыми бичевою въ воду, то надо вязнуть по грудь въ топкомъ береговомъ болотѣ.... Принимая во вниманіе еще міриадъ комаровъ, ядовитыхъ змѣй, гнѣздящихся въ чащахъ и подъ кочками болотъ, страшныя низовыя лихорадки — мало найдется людей, которые могли бы позавидовать жизни этихъ бѣдняковъ полудикарей....

Разсвѣтъ поднимаетъ бурлаковъ на ноги и запрягаетъ ихъ въ лямки, — глубокая ночь и полная темнота останавливаетъ плаваніе, и кайкчи ложатся спать. Днемъ останавливаются рѣдко и не надолго; хозяинъ лодки то и дѣло покрикиваетъ:

*) Хивинское тилли — золотая монета въ 1 р. 80 к. стоимости; бухарское тилли до 4 р.

гайда-гайда.... гей! Барра-кельды!—и другіе понукающіе возгласы....

На ночь лодку притягиваютъ къ берегу,—прочно привязываютъ ее или къ деревьямъ, если таковыя имѣются, или же ко вбитымъ въ землю шестамъ, если мѣстность голая; всѣ высаживаются на берегъ, первымъ дѣломъ разбиваютъ полога отъ комаровъ, какъ изображено на нашемъ второмъ рисункѣ, раскладываютъ огни для дыма, по той же причинѣ,—и ложатся спать, заполняя подъ эти полога, куда комары забраться не могутъ.

Пункты подобныхъ ночлеговъ большею частью одни и тѣ же; къ нимъ уже попривыкли и на нихъ всегда собираются по нѣскольку кайковъ, такъ что ночь проводится въ довольно

большомъ обществѣ. Я видѣлъ подобныя стоянки—гдѣ собиралось кайковъ по двадцати и больше.

Внизъ по теченію кайки спускаются довольно скоро; вверхъ же тянутся чрезвычайно медленно,—но азіаты народъ неторопливый: имъ все равно—днемъ ли раньше прійти или позже, на лодкѣ покойно сидѣть и спать,—на этой же лодкѣ, на носовой части устроена и печь для варки пищи—чего же еще нужно?

Только богатые владѣльцы лошадей, народъ торопливый, предпочитаютъ переѣзды верхомъ или на арбахъ—прямыми дорогами; большинство же и не садится на сѣдло, проводя почти всю свою жизнь на лодкахъ.

Н. Каразинъ.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(АВТОБІОГРАФІЯ ПРАОТЦЕВА).

Н. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

IV.

Не знаю какъ бы надлежало правильнѣе назвать происшествіе, которое около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ случилось въ одномъ изъ петербургскихъ корпусовъ, именно въ томъ, гдѣ я воспитывался. Я впрочемъ не буду рассказывать этой исторіи, малоинтересной для взрослыхъ. Достаточно сказать, что наиболѣе провинившихся (въ томъ числѣ и меня) исключили изъ корпуса для опредѣленія въ статскую службу.

Закрывая этимъ періодъ моей жизни, протекшей подъ попечительной опекой, перехожу къ началу моего *жизня на волю*, которою я умѣлъ пользоваться не благодарнѣе какъ та птичка, которую выпустилъ изъ клѣтки ребенокъ, и которая на первой же кровлѣ попала въ лапы хищной кошки.

Впрочемъ изгнавъ насъ изъ залы, гдѣ мы были лишены кадетскаго званія, начальство еще не сразу покинуло насъ на произволъ судьбы. До этого еще долженъ былъ пройти одинъ небольшой интервальный актъ, въ продолженіе котораго мы чувствовали надъ собою руку пекшагося о насъ милосердія.

Насъ не прогнали изъ корпуснаго зданія, вѣроятно привавъ во вниманіе, что намъ рѣшительно не куда было бы дѣться и всѣ мы въ первую же ночь непременно попали бы подъ опеку ночнаго полицейскаго дозора. Но какъ мы уже были не кадеты, то корпусъ находилъ невозможнымъ предоставить въ наше пользованіе ни одного изъ помѣщеній отведенныхъ кадетамъ. Самое оставленіе насъ въ карцерѣ было признано неудобнымъ—и насъ отвели въ одинъ изъ дальнихъ корпусныхъ флигелей, гдѣ въ наше временное пользованіе были представлены три большія комнаты нижняго этажа.

Мебели здѣсь рѣшительно никакой не было, но къ ночи солдаты притащили сюда нѣсколько старыхъ, отслужившихъ срокъ матрасовъ и старый же, чорный, изрѣзанный ножичками, небольшой столъ.

Оглядѣвшись въ своемъ новомъ жильѣ, мы тотчасъ же сдѣлали дальнѣйшую рекогносцировку и открыли, что находимся въ помѣщеніи совершенно изолированномъ и притомъ безъ всякаго контроля.

Это открытіе необыкновенно насъ обрадовало. Мы почувствовали себя на свободѣ, заплѣли: „Цыгане вольною толпой по Бессарабіи кочуютъ“, потомъ собственными руками разложили матрасы рядомъ по полу и улегшись на нихъ въ покатуку, какъ попало, уснули

крѣпкимъ сладчайшимъ и безмятежнѣйшимъ сномъ. Утромъ, когда мы еще спали, пришелъ къ намъ офицеръ съ извѣстіемъ, что мы будемъ пользоваться здѣшнимъ пріютомъ до тѣхъ поръ, пока начальство справитъ намъ штатское платье и устроитъ нашу разсылку къ родителямъ. Для послѣдняго распоряженія отъ насъ были потребованы свѣдѣнія о томъ, куда кто можетъ ѣхать,—и мы были расписаны группами по трактамъ.

Тутъ я впервые задумался надъ тѣмъ: куда я пріѣду? Матушка, которой я очень давно не видалъ, жила въ Лифляндіи на маленькой мызѣ, оставшейся ей и теткамъ послѣ продажи ихъ имѣнія за отцовъ долгъ. Я началъ размышлять: какова можетъ быть жизнь моей матери въ этомъ положеніи и какъ ее должно поразить мое появленіе? Разсуждая обо всемъ этомъ, я тихонько сплкнулъ и написалъ матушкѣ всю горькую правду о постигшей меня участи. Я утѣшалъ ее, что стану для нея жить и безъ усталости работать, но овладѣвшее мною при этомъ смущеніе еще болѣе усиливалось; я вспомнилъ, что я ровно ничего не умѣю дѣлать и въ шестнадцать лѣтъ ѣду къ матери не для облегченія ея участи а скорѣе для усиленія ея заботъ.

— Я ничему полезному не выучился—и даже въ гусары не гоюсь, размышлялъ я съ ужасомъ припоминая себѣ отцовы слова. Я видѣлъ, что роковое предчувствіе его надо мною уже начинаетъ сбываться, что я дѣйствительно того и гляди буду фантазеромъ и ничего путнаго въ моей жизни не сдѣлаю.

Но къ значительному облегченію, или по крайней мѣрѣ къ отстрочкѣ моихъ скорбей, я не могъ долго держать нити моихъ печальныхъ размышленій: жизнь, которую вели мы въ нашемъ карантинѣ, тому неблагоприятствовала.

Насъ, изгнанниковъ, было около сорока человекъ, изъ которыхъ кое у кого нашлись маленькія деньжонки, маленькія разумѣется по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, но по тогдашнему весьма достаточныя для того, чтобы ходить въ верхнія мѣста театровъ и покупать сообща другія недорогія удовольствія. Въ числѣ послѣднихъ было вино, которое солдаты безпрепятственно приносили намъ въ нашу казарму. Многимъ вино было еще не по вкусу, и нашлось между нами не мало такихъ, которые и вовсе не могли его пить, но положеніе дѣлъ было таково, что стало нужно пріучаться. Непитущихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, прозвали „дѣвчонками“,—и за то тѣ, которые не хотѣли быть дѣвчонками, отличались напиваясь до того, что мы перѣдко должны были отливать ихъ водою.

Межъ тѣмъ штатское обмундированье для насъ было готово и на завтра былъ назначенъ разѣздъ буй-

*) Съ этого нумера повѣсть «Блуждающіе огоньки» будетъ продолжаться безостановочно.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 9

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПРИЖИЗНЕННЫМЪ ПАРИЖСКИМЪ МОДАМЪ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выдастъ 2-го Марта 1875 г.

ПАРИЖСКИЕ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

АМУ-ДАРЬИНСКАЯ УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Природа и типы Аму-дарьинской дельты.
(Продолженіе).

IV.

До нашего прихода на Аму-Дарью, каракалпаки земледѣльцы пахотились въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для своего культурнаго развитія.

Этотъ несчастный народъ, занимая самое перепутье разбойничьихъ дорогъ туркменскихъ родовъ, принужденъ былъ ежедневно трепетать за свою собственность.

Каракалпаки рыбаки, о которыхъ я говорилъ выше, жили еще, хотя сколько нибудь, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, относительно разбойничьихъ набѣговъ и захватовъ, благодаря своей земно-водной жизни; съ своихъ лодокъ, сквозь густыя чащи озерныхъ камышей, они могли смѣяться надъ коннымъ туркменомъ, они были недостижимы для этихъ наглыхъ разбойниковъ. Земледѣльцу же не предстояло другого исхода какъ или разставаться съ своимъ добромъ, или же вступать въ борьбу, въ высшей степени для него неравную.

Аму-Дарьинская ученая экспедиція. Туркменъ-Юмудъ. Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, Грав. Езерскій.

Эта тревожная жизнь, вѣчно подъ тяжелымъ гнетомъ страха за свое добро, а подчасъ и голову, оригинальнымъ образомъ выработала жизнь каракалпака земледѣльца, создала особый типъ его отдѣльныхъ жилищъ, а также и цѣлыхъ городовъ и селеній (кишлаковъ).

Каракалпакъ земледѣлецъ занялъ средину между кочевымъ и осѣдлою жизнью, съ тою только разницею, что мѣсто его лѣтней кочевки всегда одно и то же—его обрабатываемое поле.

Наступаетъ весна; начинаются разливы водъ Аму и ея притоковъ, продолжающіеся, благодаря таинію снѣговъ въ верховьяхъ, въ горахъ Тянь-шань, почти все лѣто. Природа устраиваетъ кочевымъ разбойникамъ непреодолимую водную преграду.

Подъ защитою своихъ рѣкъ, озеръ и топей каракалпаки спокойны отъ набѣговъ и спѣшатъ на свои поля—добывать изъ земли все, что имъ подлѣ силу.

Маленькія кибитки съ войлочнымъ верхомъ и камышевыми стѣнками переносятся на тѣ мѣста, которыя предполагаются къ обработкѣ, и устриваются тамъ на все лѣто. Начинается работный сезонъ; и старый и малый—все въ полѣ. Прочищаютъ оросительныя каналы, пашутъ, копаютъ и сѣютъ, заливаютъ водою поля, засѣянные рисомъ, проводятъ эту благотѣльную воду дальше, куда еще она не проведена была до сихъ поръ,—однимъ словомъ, употребляютъ страшныя усилія чтобы добыть свой насущный хлѣбъ... И все это дѣлается торопливо, лихорадочно, съ оглядкою, будто они воровскимъ образомъ пришли на чужія земли и сѣшать эксплуатировать ихъ, пока не замѣтитъ настоящій хозяинъ.

Честный, мирный земледѣлецъ работаетъ украдкою словно воръ, наглый разбойникъ рыскалъ съ гордымъ сознаніемъ полной гражданственности своей дѣятельности.

Лѣтомъ все каракалпаки расѣяны по своимъ участкамъ; рѣдко вы встрѣтите вмѣстѣ двѣ или три кибитки. Эти переносныя жилища разбросаны большею частью по одиночкѣ и теряются въ массахъ могучей, зеленой растительности. Вся жизнь переносится на поля; визгъ чигирей *) раздается съ раннего утра и прекращается только поздно ночью, а въ горячія минуты не прекращается даже вовсе.

Но вотъ лѣто кончается, воды вступаютъ въ свои берега, скоро наступаютъ осенніе холода, за ними морозы, скрѣпляющіе топи и болота; съ лѣваго берега надо ожидать недобрыхъ гостей, надо спасаться. Наскоро покинаются плоды невѣроятныхъ, земледѣльческихъ усилій, каракалпаки торопливо перебираются въ свои укрѣпленные города и кишлаки, за стѣнами которыхъ они рассчитываютъ укрыть и себя самихъ и свои зимніе запасы.

Устройство этихъ зимнихъ пунктовъ почти одинаково; они отличаются одинъ отъ другаго только своими размѣрами, зависящими отъ числа обитателей. Наружный видъ ихъ слѣдующій: четвероугольное пространство, большихъ или меньшихъ размѣровъ, обнесено высокою, глинобитною стѣною. Снаружи, у подножья этихъ стѣнъ тянется глубокий ровъ, черезъ который переброшены мосты, ведущіе къ воротамъ. По угламъ этого четвероугольника выведены круглыя выдающіяся башни съ бойницами, для фланкированія; если промѣжутки между башнями длинны, то вдоль фасовъ устроиваются еще башни, въ разстояніи одна отъ другой до пятидесяти сажень. Такимъ образомъ получается укрѣпленіе, сохранившее въ себѣ всю типичность древнѣйшихъ фортификаціонныхъ работъ.

Подобное укрѣпленіе не могло-бы и дня держаться противъ европейскихъ орудій, но для конныхъ туркменскихъ шаекъ оно представляеть твердыню несокрушимую. Запершись въ своемъ городѣ, каракалпаки могутъ, съ высоты стѣнъ, спокойно поглядывать на рыскающихъ вокругъ всадниковъ. Развѣ только оплошность осажденныхъ можетъ доставить успѣхъ туркменамъ; да послѣдніе, впрочемъ, какъ и все азіаты, не любятъ долго стоять подъ стѣнами и сѣшать далѣе—вымѣщать свою неудачу на болѣе оплошныхъ, не успѣвшихъ затвориться, или же довольствуются одиночными бродячими субъектами.

Туркмены переходятъ Аму-дарью не специально съ цѣлью грабить каракалпаковъ, они идутъ далѣе и шиплютъ несчастныхъ земледѣльцевъ только на перепутьѣ—вольно же селиться на самой дорогѣ? Воинственные сосѣди не обращаютъ вниманія

на то обстоятельство, что каракалпаки также какъ и они подданные одного хана хивинскаго, а по религіи ихъ правовѣрные собратья,—къ вопросамъ политики и религіи туркмены относятся довольно небрежно, чтобы не сказать болѣе. Грабители привыкли руководствоваться только однимъ правиломъ: «Сильный живетъ на счетъ слабого».

Вотъ эта самая тревожная жизнь и заставила каракалпаковъ скучиваться на зиму вмѣстѣ, въ обнесенныхъ стѣнами городахъ и кишлакахъ.

Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ развилась торговая и промышленная жизнь, тамъ и лѣтомъ обитаетъ довольно много народу, выстроены базары съ тѣнстыми переходами, съ рядами лавокъ. Горожане живутъ въ постоянныхъ сакахъ, построенныхъ по общему азіатскому типу, съ приспособленіями къ замкнутой гаремной жизни. Тамъ-же, гдѣ эти городскіе элементы отсутствуютъ,—лѣтомъ, за стѣнами зимовокъ вы не встрѣтите ни души; молчаливо стоятъ непривѣтливые, укрѣпленные пустыри, съ открытыми настежь воротами, и только кучи золы и навоза указываютъ на то, что они не навсегда покинуты. За то зимою, здѣсь кипитъ самая оживленная дѣятельность. Сплошными рядами заставлено кибитками все внутреннее пространство: конный съ трудомъ пробирается, пробѣгая по узкимъ проходамъ, между этими войлочными домиками. На ограниченномъ пространствѣ устриваются на всю зиму сотни и даже тысячи семействъ, и весь укрѣпленный кишлакъ принимаетъ видъ громаднаго муравейника, особенно напоминающаго извѣстныя постройки термитовъ.

На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ подобныхъ пунктовъ, кишлакъ Нукусъ, недалеко отъ новаго нашего укрѣпленія того же имени, близъ соединенія Куванъ-джормы съ Аму-дарею.

Другой рисунокъ изображаетъ врага, противъ котораго мирные земледѣльцы принуждены возводить свои укрѣпленія: это туркменъ юмудъ; воинственный всадникъ, вооруженный длиннымъ ружьемъ и шашкою, локко сидитъ на своемъ боевомъ конѣ, покрытомъ съ головою теплою ковровою попоною. За его сѣдломъ приторочены походныя сумки (коржумы), въ нихъ весь путевой багажъ наѣздника.. Туркменъ обернулся назадъ, должно быть поджидая оставшихъ товарищей.

Время идетъ, съ его теченіемъ многое измѣняется: худое смѣняется на хорошее, хорошее на худое—кому какое выпадеть счастье. Для каракалпаковъ вышло первое. Невзгоды и бѣды прошли. Съ сѣвера появились «бѣлые рубахи», заняли низовья Аму и подрѣзали крылья хищнымъ племенамъ лѣваго берега.

Въ двухъ, болѣе выгодныхъ въ стратегическомъ отношеніи, пунктахъ построены два сильныя укрѣпленія:—Петрово-александровское (Шура-ханъ) и Нукусъ,—около этихъ укрѣпленій сгруппировались первыя русскія колоніи. Энергичный начальникъ округа зорко оберегаетъ вѣренное ему пространство, безпрестанно разъѣзжая по области и являясь совершенно неожиданно тамъ, гдѣ его не предполагали встрѣтить; одинъ изъ такихъ объѣздовъ изображенъ на третьемъ рисункѣ, приложеннымъ къ этому номеру журнала. Начальникъ округа, полковникъ Ивановъ ѣдетъ впередъ, верхомъ на приземистой, крѣпкой казачьей лошади, около него группируются офицеры его свиты, далѣе виденъ казачій конвой, надъ которымъ колыхается именной значекъ Иванова.

Посвященіе Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ узниковъ.

Не разъ приходилось намъ слышать ложное мнѣніе, будто, сравнительно съ прошлымъ, нынѣшнее легкое штрафованіе за проступки—ослабляетъ боязню преступить законъ. На самомъ дѣлѣ—наоборотъ: стыдъ а не страхъ способенъ удержатъ отъ преступленія. Суровость кары закона за преступленія представляеть, такимъ образомъ, вѣрную мѣрку степени цивилизаціи народной. Въ старину, въ Москвѣ бѣлокаменной цивилизація была во младенчествѣ—и жестокость казни не отбывала отъ совершенія тяжкихъ, самыхъ звѣрскихъ преступленій и не удерживала злодѣевъ отъ тиранства надъ безвинными жертвами случайной ихъ злобы. Тюремъ и мѣстъ заключенія было много—и все они были переполнены сидѣльцами и сидѣльцами на долгіе сроки. Доходы государственныхъ часто вообще не хватало на покрытие бюджета, а доходы собственно Разбойнаго приказа отъ излишковъ разбойническаго и воровскаго имущества за удовлетвореніемъ ущерба потерѣвшихъ отъ преступленія,—и подавно; поэтому содержать тюрьмы прилично не было возможности. Что касается питанія заарестованныхъ и посаженныхъ, то вопроса о принятіи подобнаго расхода казною никто никогда не поднималъ до Петра I. До него же, для поддержанія жалкаго существованія тюремныхъ узниковъ,—часто цѣлыми семьями отсиживавшихъ годы, плодятся и множась въ семейномъ сожителствѣ,—былъ одинъ источникъ: прошеніе милости по улицамъ и торгамъ ежедневно-выводимыми подъ конвоемъ несчастными

*) Чигирь—это водозахватный приборъ—большое вертикально-вращающееся колесо, ободъ котораго увязанъ глиняными сосудами, зачерпывающими воду внизу и выливающими ее въ жабообразно возвышенную канаву; системою изъ нѣсколькихъ чигирей можно, такимъ образомъ, поднимать воду на довольно значительную высоту.

изъ юдоли плача, страданій и грязи, съ спутникомъ ея—развратомъ въ самыхъ тущахъ ужаса. Выпозавшие изъ нихъ колодники, привлекая состраданіе проходившихъ, пользовались въ теченіе двухъ-трехъ часовъ обхода чистымъ воздухомъ, успѣвая удовлетворять свой голодъ калачами и сайками подаваемыми сердобольемъ христіанскихъ бѣдняковъ и богачей, безъ различія. Оставшіяся въ тюрьмахъ женщины не имѣли и этого утѣшенія, сколько пбудъ развлекавшаго скуку заключенія, конечно, не облегчая его тягости и безысходнаго томленія, до опредѣленія срока рѣшенія участи. Въ большинствѣ случаевъ имъ грозили тяжкія истязанія и безпощадная кара правосудія, больше не за вину ихъ, а только за такъ-называемое сообщество—недоказаніе содѣяннаго зла близкимъ сердцу отцемъ или мужемъ, рѣдко—братьями. Суровость «Уложенія» къ этимъ падшимъ объясняется временемъ составленія его въ ту еще пору, когда анализъ постепенности видовъ зла ограничивался только расчетомъ ущерба потерѣвшихъ, а жестокость истязаній при пыткѣ и выпознаніи приговора имѣла одно въ виду—успокоеніе, «чтобы другимъ было не повадно!»

Уложеніе (глава XXI. «О разбойныхъ и о татинныхъ дѣлахъ») указываетъ мѣста суда для уголовныхъ дѣлъ: для совершенныхъ во всѣхъ пунктахъ кромѣ столицы—Разбойный приказъ; а въ столицѣ, въ городѣ только—Москвѣ—Земскій дворъ (родъ канцеляріи столичнаго генералъ-губернатора, сосредоточивавшей въ себѣ и все распоряженія по землевладѣнію столичныхъ обитателей). Уголовные судьи по городамъ назывались «Губными (отъ глагола *зубить*) старостами» и числились въ вѣденіи Разбойнаго приказа. На должность *губнаго старосты*—какъ и на

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева), Соч. Н. Лѣскова (Стебницькаго).

XVI.

Я жестоко ошибся на счет старика Альтанскаго, котораго узналъ съ перваго на него взгляда. Этотъ человекъ никого не обижалъ и не могъ ни для кого быть причиною ни малѣйшихъ несчастій.

Матушка зажгла одну изъ стоявшихъ у нея на каминѣ свѣчъ, а Харита, воскликнувъ: „вотъ и мой старенькій тѣту пришелъ“, кинулась къ нему на шею—и нагнувъ къ себѣ его голову за затылокъ, поцаловала его два раза въ лобъ и въ высокую свѣтлую лысину.

Профессоръ былъ человекъ рослый и широкий, но не полный, а скорѣе худой и костистый. При своей нѣсколько высокой и продолговатой головѣ, онъ имѣлъ длинный прямой носъ, немного отвисшую нижнюю губу и очень большіе сѣрые глаза, сильно напоминавшие глаза дочери. Но что всего болѣе дѣлало ихъ похожими другъ на друга—это та же прямолинейная бровь. Я говорю *брови*, а именно *бровь*, потому что обѣ брови у профессора соединялись надъ глазами въ одну непрерывную линію. Обыкновенно такіа брови придаютъ лицу выраженіе твердое, энергическое и рѣшительное,—и такое выраженіе было у отца и у дочери Альтанскихъ, но только у обоихъ у нихъ оно смягча-

лось, какъ самъ профессоръ смотрѣлъ только внутрь самого себя, гдѣ у него былъ богатый складъ наблюденій, опыта и знаній.

Въ обхожденіи старикъ Альтанскій былъ прѣстъ и удивительно открытъ и привѣтливъ. Не успѣла матушка меня ему представить, какъ онъ сію-же минуту заговорилъ со мною точно со стариннымъ другомъ, и при томъ съ такимъ, который во всемъ былъ ему по всему

равенъ. Въ разговорѣ начатомъ непосредственно за его приходомъ и продолжавшемся около полутора часа, я не ощутилъ никакой разницы между его многоученостію и моимъ круглымъ невѣжествомъ. Онъ никого не оспаривалъ и не *проводилъ* ни какихъ идей, но все что при немъ говорилось—невольно какъ-то выравнивалось и округлялось, по превосходной и совершеннѣйшей формѣ. О предстоящихъ моихъ съ нимъ заня-

тіяхъ онъ не сказалъ ни слова—и даже когда матушка отрекомендовала меня, сказалъ:

— Вотъ вашъ ученикъ.

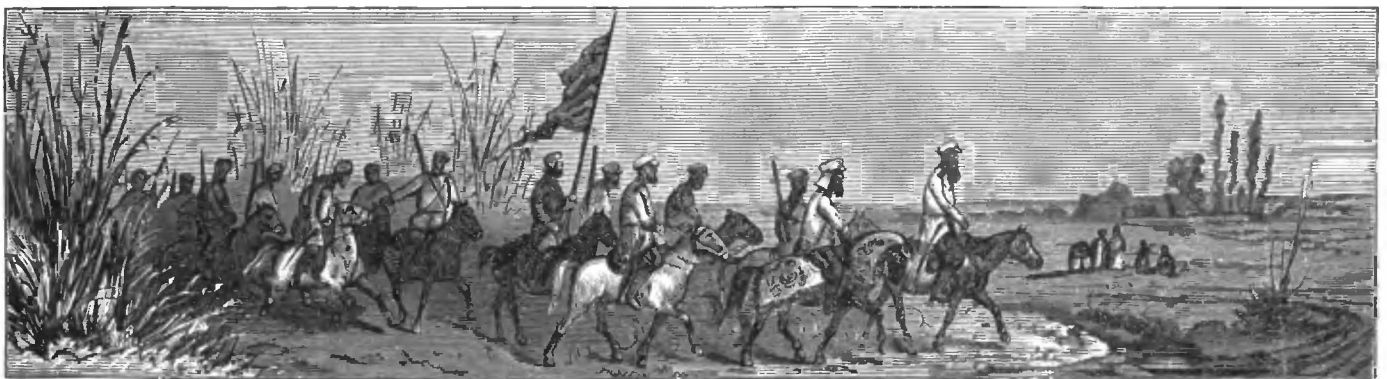
Онъ, ласково пожавъ мнѣ руку, тихо отвѣтилъ:

— Другъ, а не ученикъ.

Затѣмъ весь остальной разговоръ, сверхъ всякаго моего ожиданія, шолъ о предметахъ, о которыхъ я не имѣлъ тогда никакого понятія; но это Альтанскаго пови-

Аму-Дарьинская ученая экспедиція. Киплакъ Нукусъ. Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, Грав. Шляесскій.

Аму-Дарьинская ученая экспедиція. Начальникъ Аму-Дарьинскаго округа, полковникъ Ивановъ и его свита, на объѣздѣ. Рис. Н. Каразинъ, Грав. Бергъ.

лось безконечною добротою, которая въ лицѣ отца дышала совершеннымъ младенчествомъ. Въ его глазахъ были даже тѣ свѣтлые блики, которые бывають въ глазахъ у младенцевъ и которые въ глазахъ его дочери перешли въ провищающую лучистость. Ей словно дано было читать въ глубинѣ души другихъ людей, тогда

димоу нисколько не смущало. Онъ говорилъ съ матушкою о правительствѣ, къ чему начальный поводъ дало мое исключеніе. Въ словахъ матушки я успѣлъ уловить въ этомъ разговорѣ, не мало жолчной ироніи, съ которой она отзывалась о правительственной системѣ того времени, а Иванъ Ивановичъ, точно Тацитъ, облегчалъ ея сужденія.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 27 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНИЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кромя Воскресенья). Плата за строку пятнадцать и. с.

ПРИЛОЖЕНИЯ къ номерамъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:
для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000
Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція проситъ гг. подписчиковъ высказать:
1) за перемѣну С.-Петерб. на Иногородн. — 60 к.
2) „ „ Иногор. на С.-Петербург. — 50 „
3) „ „ Иногородн. на Иногородн. — 30 „

Отдѣльные номера высылаются не иначе какъ по полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.		На 6 мѣ.		На 4 мѣс.		На 3 мѣс.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Безъ доставки въ Петерб.	4	—	2	—	1	50	1	—
Съ доставкою въ Петерб.	5	—	3	—	2	—	1	50
Безъ доставки въ Москвѣ, черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланге, А. Ф. Живарова и Васильева	4	50	—	—	—	—	—	—
Съ пересылкою во всѣ города и мѣст. Русской Имперіи	5	50	3	—	2	—	1	50

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.
Новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. номера.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условія гонорара. Бесплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія-же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Марксу), Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

КЛИШЕ и гравюры ищутся въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе приобрести таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

АМУ-ДАРЬИНСКАЯ УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

По своему географическому положенію—Аму-Дарьинская дельта занимала чрезвычайно важную роль въ исторіи Средней Азіи.

Окруженная со всѣхъ сторонъ громадными пустынями, мертвыми песчаными степями, лишенными вовсе воды, эта зеленая, цвѣтущая дельта, богатая растительностью, обильно орошенная водою, составляла единственную, естественную станцію, — мѣсто отдыха и остановки, для многочисленныхъ народныхъ массъ, проходящихъ пустынями...

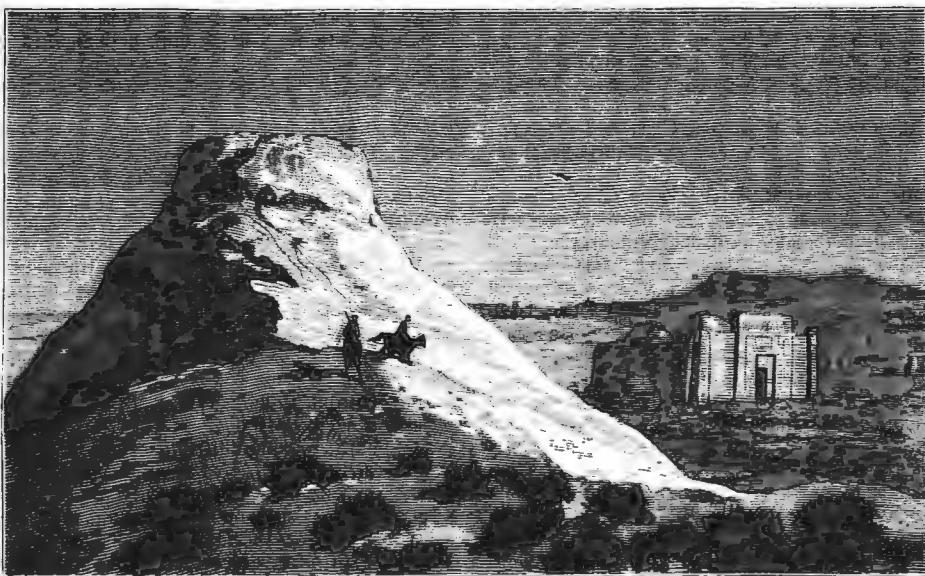
Въ своемъ историческомъ стремленіи на западъ, а потомъ обратно на востокъ, эти массы — не зная (правильнѣе, не сознавая) своихъ конечныхъ цѣлей, приходя на Аму-Дарью, останавливались. Ихъ соблазнила эта свѣжесть и видимаго богатства страны, — они рассчитывали здѣсь именно покончить свое странствованіе, утвердиться прочно, осѣдою ногою. Они и останавливались, строились, воздвигали города, крѣпости... но приходили новыя массы, болѣе сильныя, вытѣсняли осѣвшихъ, занимали ихъ мѣста—сно-

ва строились уже по своему—и снова бросали все это, когда съ востока надвигались на нихъ опять новыя, еще болѣе сильныя массы.

Эти массы не были однородны, они говорили разными языками, имѣли разные обычаи, разное исповѣданіе, разное строились, разное хоронили своихъ умершихъ... и оставляя насыщенное мѣсто, оставляли и разнообразныя слѣды своего пребыванія, — такіе слѣды, которые долго не могли изгладиться и сохранились даже до сихъ поръ, и ждутъ только историка этнографа для ихъ разработки.

Въ пѣсняхъ, въ легендахъ, въ самомъ языкѣ обитателей дельты, въ разнообразныхъ типахъ ихъ лицъ—замѣтна эта пестрота, эта смѣсь разныхъ народностей, проходившихъ здѣсь и временно занимавшихъ дельту...

Разбойничій характеръ жизни оазиса послѣднихъ временъ—еще болѣе усилилъ эту пестроту. Тысячи плѣнныхъ рабовъ, привезенныхъ сюда изъ Персіи, изъ Россіи, — съ сѣвера и юга, тоже не могли не повліять на смѣшеніе расъ,—и на какомъ

Аму-Дарьинская ученая экспедиція В. Гора Чалпыкъ и медресе.
Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, грав. Серимовскій.

нибудь базаръ туземнаго городка васъ удивляетъ встрѣча съ субъ-ектомъ—каракалпакомъ по костюму, языку и мѣсту рожденія, но такимъ, что если бы вы одѣли его въ русскую рубашу, то не отличили бы его отъ любого нашего туляка или калужанина.

Современный каракалпакъ живетъ полукочевою, полусѣдлою жизнью... У него легкая кибитка лѣтомъ и маленькая сакля зимою... Но въ ихъ селеніяхъ и близости вы часто встрѣчаете полуразрушенныя постройки и сооруженія, кажущіяся сломомъ между баранами—относительно современныхъ построекъ. То вы встрѣчаете развалины громаднѣйшихъ стѣнъ, оглаживающихъ значительное пространство, давно уже засыпанное пескомъ, одичалое, заросшее... То высоко въ небо поднимаются коническія башни, полуразрушенныя временемъ и непогодами—поднятыя сплзу такъ, что удивляться надо, какъ онѣ еще не рухнули...

Это все слѣды прежнихъ народностей—давно забытыхъ, неизвестныхъ, несохранившихся даже въ народныхъ сказаніяхъ и легендахъ.

Подобныя памятники сѣдой древности изображены на нашихъ рисункахъ: одинъ—развалины сторожеваго укрѣпленія на вершинѣ горы Чалныкъ, близъ берега Аму, между Назаръ-ханомъ и Ходжейли, а другой—минаретъ Шабасъ-Вали, на развалинахъ близъ города того же имени.

Постройка эта возведена изъ плитнаго стѣннаго кирпича, искусно и прочно сложена и свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи зодчества и культуры древнихъ народовъ, оставившихъ намъ такіе долговѣчные памятники.

Н. Карзинъ.

СОБОРЪ СВ. ПЕТРА ВЪ РИМѢ.

Кто не знаетъ собора Св. Петра въ Римѣ, этого величайшаго изъ всехъ христіанскихъ храмовъ? Кто не видѣлъ площади Св. Петра на картинахъ, если только не видѣлъ ее въ дѣйствительности? Извѣстно что церковь Св. Петра возвышается возлѣ самаго Ватикана, громадной «тюрьмы» пышнаго папы, гдѣ этотъ высокій «плѣнникъ» имѣетъ въ своемъ распоряженіи не менѣе какъ 11,000 залъ, комнатъ и прочихъ помѣщеній, не считая большихъ и маленькихъ дворовъ и садовъ, которыя находятся внутри и внѣ ватиканскихъ владѣній и принадлежатъ ему. Какъ дворецъ, такъ и церковь во имя Св. Петра Ватиканскаго—получили это названіе отъ горы—mons Vaticanus древнихъ римлянъ, поднимающейся позади собора и папскихъ садовъ и носящей теперь названіе Монте Ватикано. Древняя церковь Св. Петра была построена первоначально въ перовомъ цркѣ на мѣстѣ мученичества святаго апостола Петра. Въ этой древней церкви императоръ Карлъ Великій короновался на императорскій престолъ. Пала Николай V первый возмѣнилъ мысль: на мѣстѣ почтеннаго древняго зданія, воздвигнуть новый, великолѣпный храмъ; но осуществилъ эту мысль только пала Юлій II. Первый камень пышнаго колоссальнаго собора былъ положенъ 18-го апрѣля 1506 года, а 18-го ноября 1626 послѣдовало торжественное освященіе новой церкви, сооруженіе которой обошлось въ 47 миліоновъ скуди. Храмъ этотъ образуетъ греческій крестъ, раздѣленъ на три отдѣла съ боковыми капеллами, поперечный отдѣлъ и хоры, и увѣнчанъ колоссальнымъ куполомъ. Средній отдѣлъ храма имѣетъ 622 фута, поперечный отдѣлъ 461 футъ длины. Куполъ имѣетъ 413 футовъ вышины, между тѣмъ какъ высота средняго отдѣла равняется 150 футамъ. Но, какъ говорить, все зданіе съ намѣреніемъ построено такимъ удивительнымъ образомъ, что размеры его вовсе не кажутся такими колоссальными, каковы они въ дѣйствительности. Чтобы получить сколько нибудь правильное впечатлѣніе поражающей величины зданія, нужно смотрѣть на него изъ-подъ купола, отъ такъ-называемой Исповѣдальни, гдѣ находится гробница Св. Петра и вокругъ перилъ постоянно горитъ 89 лампадъ.

Въ этой исповѣдальнѣ, въ Страстную пятницу, по окончаніи знаменитой Тенебрае въ Сикстинской Капеллѣ, папа, въ сопровожденіи своей свиты, преклоняетъ колѣна и молится, въ то время когда показываются народу четыре драгоценнѣйшія святыни храма: копье Св. Лонгина, часть святаго Креста, саванъ Св. Вероники и голова Св. Андрея, которыя никто не можетъ видѣть вблизи кромѣ канониковъ Св. Петра. Святыни эти хранятся обыкновенно въ четырехъ громадныхъ пиластрахъ, поддерживающихъ куполъ; стоящая въ нишахъ огромная статуя Св. Лонгина, Св. Елены, Св. Вероники и Св. Андрея указываютъ мѣста гдѣ хранятся святыни. Скажемъ кстати, что все вообще скульптурныя и живописныя произведенія отличаются больше колоссальнымъ масштабомъ соответствующимъ размерамъ церкви, но не многія изъ нихъ имѣютъ дѣйствительный художественный интересъ. Въ церкви и въ капеллахъ разсѣяно двѣнадцать семь алтарей и сорокъ пять монументовъ. На главномъ престолѣ, передъ которымъ совершается торжественная служба однимъ только папою, лежитъ мраморная доска около 15 футовъ длины, и на ней стоитъ дарохранительница изъ позолоченной бронзы, имѣющая не менѣе 186,000 фунтовъ вѣсу. Монументы большею частью состоятъ изъ надгробныхъ памятниковъ разныхъ папъ и коронованныхъ особъ, какъ напримѣръ послѣднихъ Стюартовъ, шведской королевы Христіны и другихъ; исполнены они преимущественно изъ мрамора или бронзы.

Какъ между многочисленными архитекторами церкви, начиная съ Браманте, перваго, и кончая Верини, послѣднимъ ея архитекторомъ, было много знаменитыхъ именъ,—такъ и многіе памятники принадлежатъ превосходнѣйшимъ мастерамъ; среди послѣднихъ довольно назвать Микель-Анджело, Канову, Торвальдсена. Въ такъ-называемыхъ ватиканскихъ катакомбахъ, открытыхъ подъ церковью, и отворяемыхъ въ день Св. Петра для мужчинъ и въ день Св. Духа для женщинъ, есть также много интересныхъ статуй, саркофаговъ и надписей изъ старой церкви Св. Петра.

Фасадъ церкви построенъ Мадерно. Восемь колоннъ, четыре пиластра и шесть полу-пиластровъ заключаютъ обширный притворъ, 68-ми футовъ вышины; надъ нимъ находится галлерея съ лоджіей, откуда въ Великій четвергъ и въ Пасху папа благословляетъ народъ. Отсюда-же провозглашается имя новозбраннаго папы, и здѣсь же происходитъ его коронованіе. Балюстрада надъ аттикой украшена огромными статуями Спасителя, Божіей Матери и апостоловъ кромѣ Петра. Статуя Петра и Павла стоятъ у подножія широкой лѣстницы, ведущей въ притворъ. Изъ пяти входныхъ дверей самая меньшая вправо—всегда запечатана и заложена кирпичами и отворяется разъ въ сто лѣтъ. Она называется Юбилейной. При совершеніи этого торжества, какъ это было до сихъ поръ, утромъ 24-го декабря, папа идетъ, въ сопровожденіи пышной свиты, въ церковь, и подойдя къ двери стучитъ въ нее серебрянымъ молоткомъ; она тотчасъ распадается, такъ какъ уже все заранѣе устроено для этого, и папа, черезъ обломки, входитъ въ церковь. Въ теченіи этого юбилейнаго года дается отпущеніе всехъ грѣховъ.

Среднія двери бронзовыя, работы Антоніо Филарете, которому они были заказаны въ 1440 году папою Евгеніемъ IV-мъ. Влѣво отъ входа находится крестильная капелла; вмѣсто купели употребляется порфировый саркофагъ, служившій нѣкогда гробницею Императору Оттону II-му, а вправо, возлѣ первой капеллы съ «Pieta» Микель Анджели, маленькая капелла della Colonna Santa съ колонной изъ Иерусалимскаго Храма; по преданію, Иисусъ Христосъ стоялъ передъ этой колонной когда спорилъ съ книжниками о священномъ писаніи.

Лежащая передъ церковью, площадь Петра имѣетъ форму эллипса соединеннаго съ квадратомъ; она ограничивается съ обѣихъ сторонъ крытыми тройными колоннадами, оставляющими выходы только на Piazza Rusticucci. Посреди площади возвышается, окруженный четырьмя огромными канделябрами обелискъ, стоявшій нѣкогда въ храмѣ солнца въ Гелиополѣ и имѣющій 135 футовъ вышины. Въ 39 г. по Р. Х. Калигула велѣлъ перевезти его въ Римъ и поставить въ Ватиканскомъ цркѣ, гдѣ онъ и оставался, пока папа Сикстъ V не назначилъ ему теперешняго его мѣста. Работы по перенесенію обелиска производились подъ руководствомъ архитектора Фонтана. Послѣ предварительныхъ церемоній посвященія обелиска святому кресту, который и былъ утвержденъ на его вершинѣ, 27-го сентября 1586 г., онъ былъ поставленъ на площади Св. Петра.

Во время поднятія обелиска, для чего было употреблено 40 воротовъ, 800 рабочихъ и 150 лошадей,—народу, подлѣ страхомъ смертной казни, запрещено было произносить какое либо восклицаніе чтобы не мѣшать передачѣ необходимыхъ распоряженій. Началъ поднимать обелискъ, но слишкомъ сухія веревки скоро вытянулись—и вдругъ, среди тишины изъ толпы раздается крикъ: «Воды на канаты!» Это предостереженіе простаго матроса спасло все дѣло, такъ какъ вода, усиливъ упругость канопы, дѣйствительно дозволила системѣ веревокъ выдерживать тяжесть до конца. Папа пожелалъ узнать, кто закричалъ: это былъ нѣкто Бреска изъ Санъ-Ремо, въ генуэзскомъ округѣ. Сикстъ не только на наказалъ его, но предложилъ еще награду. Бреска получилъ для себя и для своихъ потомковъ привилегію ежегодно снабжать въ Вербное воскресенье пальмами все церкви въ Римѣ.

Церемонія освященія и раздачи пальмъ совершается самимъ папою въ церкви Св. Петра. Тотъ кому предназначается пальма—подходить къ папскому трону, преклоняетъ двѣжды колѣна, цѣлуетъ перстень папы, получаетъ изъ его рукъ пальму, цѣлуетъ ее и отходитъ. Пальму получаютъ кардиналы, епископы, высшіе духовные и свѣтскіе сановники, члены дипломатическаго корпуса, и нѣкоторые избранные, которымъ почастиливается достать отъ папскаго мажордома билетъ на эту церемонію.

Фонтаны по обѣимъ сторонамъ обелиска происходятъ со временъ папъ Павла V-го и Иннокентія XI-го; они получаютъ воду изъ Траянова акведука.

Площадь Св. Петра, въ Великій четвергъ и Пасху, представляла единственное зрѣлище въ мірѣ. Вся площадь бывала залита сплошной массой народа, ожидающаго благословенія свя-

— Пойдемъ-ка, самъ увидишь! (Леандръ вытащилъ брата на дворъ). Вонъ—смотри-ка: усѣлся и не двигается. И что за орлина—прелесть! Жаль, чортъ возьми, пальнуть-то нельзя!...

— А почему-жь это нельзя?

— Ну, вотъ, развѣ можно стрѣлять!... шумъ такой дѣлать, когда больная тутъ-же въ домѣ?

И онъ даже ногой топнулъ.

— Ну, протури его, да слѣдомъ за нимъ и ступай, а потомъ пристрѣли гдѣ нибудь подалеже.

— Жшт-жшт—ты-ы! сталъ Леандръ пугать птицу и швырнулъ въ нее комъ снѣга.

Орелъ встрепенулся, приподнялъ сердито перья, крикнулъ и взмахнулъ крыльями. Покружившись надъ до-

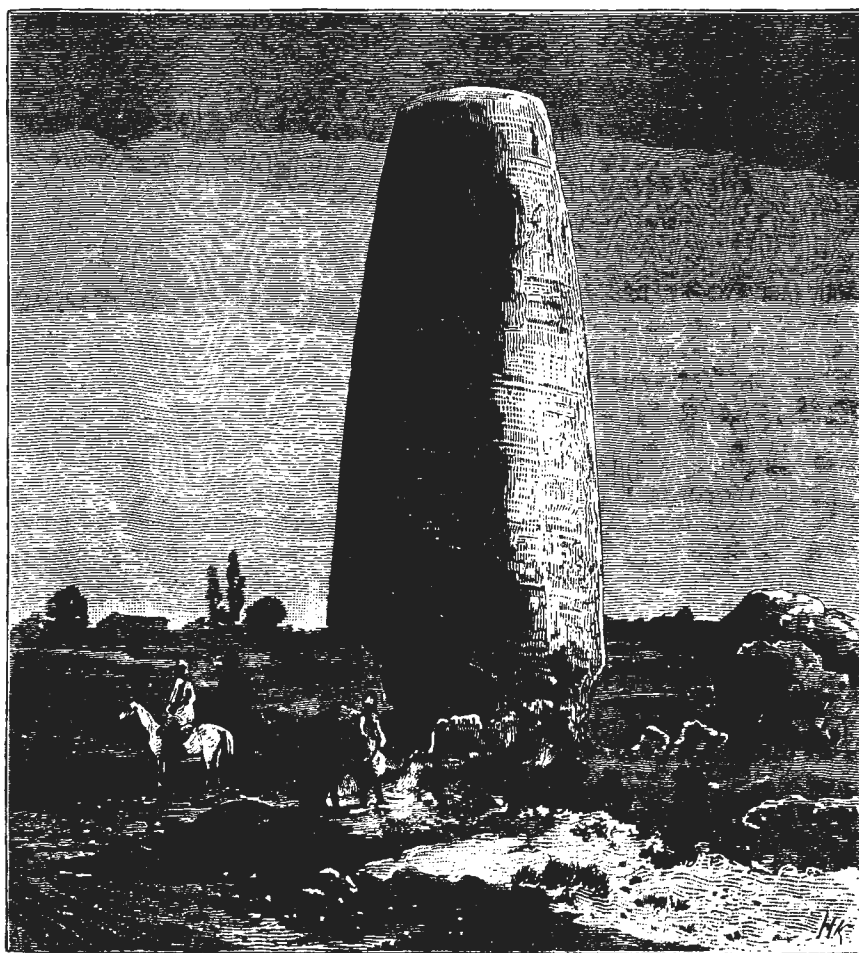
— Постой-ка, я его теперь просто руками поймаю!...

Леандръ приставилъ лѣстницу къ крышѣ и осторожно взлѣзъ на нее. Птица сидѣла смирно и подпустила охотника близко къ себѣ. Вытащивъ изъ кармана платокъ, онъ хотѣлъ было набросить его на голову орла, но орелъ не позволилъ этого: тыкая клювомъ и ударяя крыльями, онъ принудилъ Леандра живо отретироваться.

Никодимъ фыркнулъ, глядя на эту сцену.

— Хе-хе, съ носомъ, братъ, остался! Вотъ онъ и доказалъ тебѣ, что такую птицу руками изловить нельзя!.. Я нарочно промолчалъ... Ну, думаю, полѣзай, попробуй!

— Въ толкъ не возьму, что это за звѣрь такой! бормоталъ Леандръ, сердито потряхивая головой.—Ну-да

Аму-Дарьинская ученаѣ экспедиція V. Шахъ-абаръ-Вали. Древнія развалины крѣпости. Рис. членъ экспедиціи Н. Карзинъ, грав. Вольскій.

микомъ минуты двѣ-три, онъ плавно спустился на крышу и снова спокойно усѣлся на ней.

— Штука на удивленье! Не хочеть улетать—и шабашъ! Да никакъ онъ ручной?

Еще разъ пугнулъ—та-же исторія.

— Да это—оборотень! мелькнуло въ головѣ Леандра, и онъ перекрестился, однако тутъ и крестъ не помогъ: значить, не бѣсовская сила пошаливаетъ.

— Мнѣ кажется—орелъ-то раненъ и летѣть не можетъ, сказалъ Никодимъ:—бѣды отъ него никакой не будетъ, нечего и возиться съ нимъ; оставь его, онъ и самъ съ крыши свалится... Ужь подожди, коли не хочешь стрѣлять, чтобы не испугать больной.

ладно, погрозилъ онъ орлу,—погоди ужь, не уйдешь ты отъ меня!..

— Вотъ и погоняйся за нимъ завтра, коли онъ сегодня ночью не околѣетъ. Если силы у него хватить, онъ непременно улетитъ, только не далеко—гдѣ нибудь тутъ по близости и сидеть.

Почти совсѣмъ уже стало темно. Вышла Маріанна и объявила, что ей надо теперь домой отправиться, чтобы приготовить ужинъ мужу.

Братья вошли въ домъ. Старшій сходилъ въ кладовую за хлѣбомъ и сыромъ. Время было и имъ поужинать.

Леандръ, воспользовавшись отсутствіемъ брата, под-

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 1 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 1-го января 1874 года ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
Издатель „НИВЫ“ **А. Ф. МАРКСЪ**.

Съ Новымъ годомъ! Композиція Пиллацаго, грав. Крыжановскій.

Задремаль. Сцена изъ хивинскаго похода. Рис. Н. Карзинъ, грав. Ольшевскій.

Проснулся. Сцена изъ хивинскаго похода. Рис. Н. Каразинъ, грав. Напфръ.

ревнивы и дружны—и не идутъ въ одиночку, а бродятъ толпами. Прежде чѣмъ матушка могла сообразить и обдумать какъ встрѣтить отца, который долженъ былъ возвратиться въ гнѣвъ,—двери залы растворились и въ нихъ появился мой отецъ, поддерживаемый двумя деньщиками. Онъ молча указалъ глазами на кресло—и когда его посадили, сорвалъ съ себя галстухъ и прохрипѣлъ:

— Попа!

Матушка кинулась къ нему, а онъ схватилъ ея руку, прижалъ ее къ лицу—и тотчасъ же умеръ подъ шопотъ отходной, которую началъ читать надъ нимъ прибѣжавшій священникъ.

Такъ умеръ мой храбрый и честный, изрубленный въ бояхъ отецъ, котораго я мало зналъ и черты котораго въ настоящее время едва могу воскресить въ моей памяти. Едва помню его бравую военную фигуру, коротко стриженную голову, усы и бакенбарды съ сѣдыми концами, горячій рубенсовскій цвѣтъ лица и синіе глаза: вотъ и все.

Совсѣмъ не то съ лицомъ матери. Мнѣ даже становится совѣстно, что я не умѣлъ поровну раздѣлить моихъ привязанностей между моими родителями,—но это уже такъ сложилось. Я беззавѣтно предалъ всю мою душу моей матери, небесный образъ которой безыходно живеть въ моей душѣ. Два раза въ жизни, когда я терялъ его, я былъ на краю пропасти и... тутъ снова являлся мнѣ онъ, этотъ священный ликъ съ свѣтлыми кудрями Скиавонэ и съ глубокими очами познаваемаго свѣтъ, провидца. Матушка была бы красавица, если бы она не была ангеломъ.

Приходя себѣ на память впечатлѣніе какое производила моя мать на людей, которые ее видѣли въ первый разъ, я всегда припоминаю мнѣніе Сократа, что „познаніе есть только воспоминаніе того, что мы нѣкогда знали“. Впервые встрѣчая мою мать, всякій чувствовалъ, что онъ ее будто когда-то уже встрѣчалъ, и при томъ встрѣчалъ въ необыкновенную для себя минуту; каждому мнилось, что она ему или уже когда-то сдѣлала, или еще сдѣлаетъ что-то доброе и хорошее. Однимъ словомъ, это было доброе, чудное лицо, о которомъ я не буду говорить болѣе—какъ потому, что рискую никогда не кончить съ этимъ описаніемъ, такъ и потому, что вижу теперь передъ собою этотъ священный для меня ликъ, съ застѣнчивой скромностью запрещающій мнѣ слагать ему мои ничтожныя хвалы.

Послѣ смерти отца, мы съ матушкой остались не только нищими, но на насъ лежала вина разоренія моей престарѣлой бабки и тетокъ, имѣніе которыхъ, заложенное для моего отца, было продано съ молотка. Бѣды повисли надъ нами тучей: старуха бабка не вы-

несла своего горя—и когда ее стали выводить изъ ея родового баронскаго дома, она умерла на порогѣ. Мы этого не видали: мы съ матерью тогда еще оставались въ томъ самомъ городкѣ, гдѣ скончался мой отецъ, и откуда мою мать теперь не выпускали за ея долгъ по векселю, за деньги, взятые ею на покупку новыхъ инструментовъ для полковаго оркестра. Платить намъ было не изъ чего, такъ какъ все наше имущество заключалось въ небольшихъ походныхъ пожиткахъ, да тѣхъ старыхъ трубахъ, которыя были свалены въ амбарѣ взамѣнъ взятыхъ на мѣсто ихъ новыхъ. Кредиторы должны были убѣдиться въ несостоятельности матушки и разсрочить ей долгъ на мелкіе платежи, какіе она надѣялась производить изъ имѣвшагося въ виду пенсіона за отцову службу.

Я впрочемъ не помню какъ шли всѣ эти переговоры и сдѣлки, потому что едва-ли не первымъ дѣломъ моей матери, послѣ того какъ она овдовѣла, было отвезти меня въ Петербургъ, гдѣ при содѣйствіи нѣкоторыхъ доброжелателей удалось пріютить меня въ существовавшее тогда отдѣленіе малолѣтнихъ, откуда дѣтей по достиженіи ими извѣстнаго возраста переводили въ кадетскіе корпуса. Зачисленіе въ кадеты въ тѣ времена считалось вожделѣннѣйшимъ устройствомъ судьбы мальчика—и матушка стало быть могла не безпокоиться, что ужъ я непременно выйду въ люди. Пребываніе мое въ отдѣленіи малолѣтнихъ и потомъ въ одномъ изъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ преисполнено для меня самыхъ разнообразныхъ воспоминаній, между которыми грустныхъ конечно болѣе чѣмъ веселыхъ, но я не стану заносить ихъ съ свои записки. Мнѣ противно положить своею рукою лишній камень въ прибавку ко всей тягости, въ такомъ изобиліи набросанной на эти школы. Да и къ чему бы это послужило? Масса описаній темныхъ сторонъ нашей школьной жизни такъ велика, что я не вижу нужды увеличивать ее своими разсказами, тѣмъ болѣе что я не могу сказать ничего новаго и... долженъ сознаться, что я все таки чувствую благодарность къ этому заведенію, которое призрѣло и воспитало меня такъ, какъ оно могло и умѣло. Оставленный самому себѣ, на руки безпомощной матери моей, я бы конечно былъ еще несчастливѣе—и потому миръ тебѣ, мой дѣтскій пріютъ, видѣвшій мои дѣтскія слезы!

Изъ всей школьной жизни уомяну только объ одномъ событіи, вслѣдствіи котораго я неосожиданно разстался съ стѣнами заведенія и вылетѣлъ въ жизнь ранѣе положеннаго срока и не въ томъ направленіи, къ которому специально готовился.

(Продолженіе будетъ.)

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ХИВИНСКАГО ПОХОДА.

Продолжительная, почти непрерывная война, которую мы ведемъ въ Средней Азіи,—богата разными кровавыми эпизодами, крупными и мелкими, такъ и просящимися подъ перо и карандашъ художника. Наши рисунки—эпизоды изъ этой военной драмы—выхвачены прямо изъ тревожной, полной опасностей и лишений военной жизни русскаго солдата, оторваннаго силою обстоятельствъ отъ родины, отъ всего, что было близко его простому сердцу и заброшеннаго въ страну ему чуждую, непривѣтливую, встрѣтившую его не съ поклономъ а съ коварнымъ ножомъ, съ предательскою петлею,—съ разными бѣдами и лихами, со всѣмъ тѣмъ—съ чѣмъ умѣетъ бороться нашъ солдатъ, а если и не умѣетъ сначала то скоро научивается—благодаря своей смѣливости и находчивости, или-же горькому опыту.

Не всегда опасность грозитъ въ открытомъ бою, чаще она таится гдѣ нибудь по близости во время относительной тишины, въ минуту спокойствія и отдыха.

Дремлетъ усталый часовой... Конечно, ему дремать на своемъ посту не слѣдуетъ, но противъ природы ничего не подѣлаешь... Отломавъ сороковерстный переходъ, проложилъ онъ себѣ и своимъ

обозамъ дорогу, тамъ гдѣ ее не было и признака; нельзя упрекнуть солдата, если невольно сомкнулся на минуту измученные глаза и приклонить опъ на стволъ своего ружья свою озябшую голову... И вотъ, опершись на штуцеръ, на краю обрыва, у изломанной глиняной стѣнки задремалъ одинокій часовой—и грезится ему далекія милыя сцены; грезится ему широкая улица роднаго села, грезится ярко-затопленная печь, грезится ему поше колосистое, лугъ поросшій цвѣтами, свистъ косы въ богатырскомъ размахѣ косаря... Грезится ему, быть можетъ, дорогія черты лица молодой жены, а можетъ и дѣвочки-невесты... Предразсвѣтныи вѣтеръ чуть прохватываетъ его сквозь полотно его рубахи, и шевелитъ концы его пазатыльника, усиливая, еще того нуще, неотвязную, непобѣдимую дремоту.

А врагъ близко... всего въ нѣсколькихъ шагахъ; вонъ онъ словно змѣя притаился въ бурьянъ, между камнями, и его совсѣмъ не видно: онъ умѣетъ притансы... Онъ словно приросъ къ землѣ, и только по временамъ приподнимаетъ свою голову, поглядывая своими зоркими воровскими глазами впередъ, все въ одну и ту же сторону... Бѣлая точка, которая его манила издали, начинать при-

нимать определенныя формы по мѣрѣ приближенія къ ней: вотъ уже видны складки русской рубахи, вотъ уже чернѣет ремень—патронной сумки, виднѣн узелъ тесмы, на которой виситъ черезъ плечо—плотно набитый походный мѣшокъ-ранецъ, сверкнулъ блескъ на концѣ стального штыка... «Задремаль», замѣчаетъ подкрадывающийся—и на его изрытомъ оспою, изборозженномъ старыми шрамами, воровскомъ лицѣ змѣнится довольная улыбка...

Проползъ еще, прицалъ, прислушался еще, подползъ уже близко, шаговъ пять-шесть осталось... кусочекъ глины оборвался и съ легкимъ шумомъ скользнулъ внизъ—холодный потъ проступилъ подъ рваными, красными отрепьями халата... Приподнялъ голову часовой, оглянулся, посмотрѣлъ своими припухшими утомленными глазами... Ничего не видно подозрительнаго, все тихо кругомъ—и снова склонилась на руки его голова, снова заронились въ его мозгу отрадная греза.

А высоко-высоко, на посвѣтлѣвшемъ небѣ, чуть виднѣтся черная точка; эта точка спускается все ниже и ниже... Разсѣкая утреннй воздухъ широкимъ размахомъ сильнаго крыла, степной орелъ завидѣлъ уже внизу готовящуюся катастрофу и чувствуетъ скорую добычу... Не знаетъ только, что ему придется рвать своими когтями и клювомъ—красное ли тряпье, или бѣлую рубаху... Вѣрно послѣднюю...

Такъ бы и было, еслибъ у ногъ часоваго, свернувшись клубомъ, не спалъ вѣрный Кудлашка...

То, чего не могъ слышать спящій человекъ, то не миновало чуткаго уха сторожеваго пса... И въ самую критическую минуту, чуть не при взмахѣ криваго ножа, съ свирѣпымъ лаемъ сорвался съ мѣста пестъ, перескочилъ ограду и вцѣпился зубами въ красное тряпье, не замѣчая, не обращая вниманія на удары по немъ,—и оба, и звѣрь и человекъ, покатались внизъ, поднимая пылъ, сталкивая съ мѣста камни, окрашивая бурьянъ и колючку свѣжею кровью.

Проснулся часовой—и понялъ, въ чемъ дѣло; прицѣлился и ждетъ удобнаго мгновенія для выстрѣла.

Но не всегда случается такъ, Кудлашка могъ побѣжать на рогатую кухню за костью—и тогда дѣло разыгралось-бы совсѣмъ другимъ образомъ...

Въ то время, когда мы находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ Бухарскимъ ханствомъ, не одна русская голова вынималась изъ переметной сумки прѣхавшаго въ Бухару джигита-багиря. И щедры въ подобныхъ случаяхъ—повелитель Бухары въ видахъ поощренія платилъ за кровавый трофей золотое тилля (монета около четырехъ нашихъ рублей), новыи красный халатъ и своею благосклонностью.

И охотники до этихъ наградъ снова отірапливались на охоту за «Акъ-Кульмакъ» (бѣлыми рубахами), пробираясь къ нашимъ передовымъ линіямъ.

Н. К.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ

«Пѣсня про царя Івана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова» Лермонтова.

Едва ли найдется въ русской литературѣ болѣе художественное, болѣе вѣрное пародному духу изображеніе тяжкихъ временъ *опричнины*, чѣмъ вышеприведенная пѣсня нашего поэта,—не смотря на то, что основательное изученіе русской народности только-что начиналось въ его время и вообще въ такъ-называемый Пушкинскій періодъ. Въ этой пѣснѣ-поэмѣ Лермонтовъ вполне отрывается отъ моднаго и напускнаго байроническаго строя мыслей и вдохновенія—и съ мастерствомъ самобытнаго великаго таланта иступаетъ на мало-вѣдомую, почти дѣтственную почву народнаго творчества, запечатлѣвая мощнымъ стихомъ на пѣсколькихъ страничкахъ вѣчную историческую эпоху.

Опричнина, учрежденная Грознымъ, какъ извѣстно, вызвана была государственной необходимостью. Крамола бояръ, которые почти самовластно правили Россіей въ дѣтствѣ Іоанна IV, достигли крайней степени развитія. Увлеченныи взаимною рознью, счедами и подколонами другъ подъ друга, бояре совершенно забывали объ отечествѣ и не только не блюли его интересовъ, но не рѣдко, будучи побуждаемы счастливыми соперниками, прямо измѣняли родинѣ, отъѣзжая въ Литву и проч.

Молодой государь, одаренный великимъ государственнымъ смысломъ, видѣлъ, что люди, поставленные историческимъ ходомъ дѣлъ въ головѣ *земщины*, только губятъ землю. Надо было создать новыхъ дѣятелей, которые стояли бы *въ сторонѣ* отъ старыхъ порядковъ, не имѣли бы ни какихъ родовыхъ счетовъ съ прошлымъ, были бы *опричь* бояръ и земли, *кромя* ихъ. И вотъ являются *опричники* или *кромешники*, не имѣющие ничего общаго съ земщиной и группирующіеся тѣснымъ кружкомъ вокругъ одной личности царя. Они несутъ въ числѣ прочихъ атрибутовъ своего призванія *песью голову* (знакъ дѣтности) и *метлау* (знакъ очищенія государства отъ стараго сора). Съ помощью этой страшной свиты, Грозный вступаетъ въ борьбу съ крамолой бояръ и казнить ихъ безъ милости ради блага родины. Таковъ смыслъ дѣяній, представляемыхъ иѣкоторыми историками какъ-бы слѣдствіемъ кровожадности самого правителя Россіи. То же самое стремленіе къ усиленію монархической власти насчетъ земской (феодалной) аристократіи видимъ мы и въ западной Европѣ около этого времени. Въ могущественнѣйшемъ католическомъ государствѣ, Испаніи, обладавшей въ то время полсѣтомъ, послѣ Карла V выдвигаются суровый образъ Филиппа II и мрачная фигура герцога Альбы; на папскомъ престолѣ сидитъ Сикстъ V, въ бытность кардиналомъ прикидывавшійся хилымъ, хворымъ, согбеннымъ старикомъ, а надѣвъ тиару заговорившій такимъ голосомъ, что привелъ всѣхъ въ трепетъ; въ Англіи Елисавета почти самовластно распоряжается парламентомъ; во Франціи предчувствуется Ришелье.

Но таковъ неумолимый законъ исторіи: какъ только въ государствѣ образуется привилегированное сословіе, располагающее властью и силой, оно съ теченіемъ времени начинаетъ злоупотреблять ими (преторіанцы и областные легіоны въ древнемъ Римѣ, турецкая стража и мамелюки въ Халифатѣ, янычары въ Турціи и т. д.). Не избѣгла этого и русская опричнина. Кромѣшники, чувствуя свою силу, презрительно относились не къ однимъ боярамъ но и ко всей земщинѣ. Вотъ одинъ изъ такихъ-то эпизодовъ и рисуетъ Лермонтовъ въ своей пѣснѣ:

За прилавкомъ сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато-серебро пересчитываетъ....
Отзвонили вечерню въ святыхъ церквахъ,
За кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо,—
Гонитъ ихъ метелица расцѣваючи;
Онучилъ широкій гостинный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ,
И пошелъ онъ домой призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновъ:
Не встрѣчаетъ его молодая жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью.
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Ермѣевна,
«А куда дѣвалась, затаилась
«Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
«А что дѣтки мои любезныя,
«Чай забѣгались, заигрались,
«Спозаранку спать уложились?
— Господи ты мой, Степанъ Парамоновъ?
Я скажу тебѣ диво-дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна...
Вотъ ужъ нощъ пришелъ съ молодой понадеей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,—
А по сю пору твоя хозяйшка
Изъ приходской церкви не вернулась.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ,
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу,
А на улицѣ нощъ темнѣхонька,
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаешь слѣдъ человѣчскій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули.
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простоволосая,

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 7 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 15-го Февраля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кроме Воскресенья). Плата за строку пятнадцать к. с.

ПРИЛОЖЕНІЯ къ нумерамъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:
для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000
Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:

- 1) за перемѣну С.-Петербур. на Иногородн. — 60 к.
- 2) Иногор. на С.-Петербур. — 50 „
- 3) „ „ Иногородн. на Иногородн. — 30 „

Отдѣльные нумера высылаются не иначе какъ по полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Безъ доставки въ Петерб.
Съ доставкою въ Петерб.
Безъ доставки въ Москвѣ,
черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга,
А. Ф. Живирева и Васильева
Съ пересылкою во все го-
рода и мѣст. Русской Имперіи

На годъ.		На 6 мѣ.		На 4 мѣс.		На 3 мѣс.	
Р.	к.	Р.	к.	Р.	к.	Р.	к.
4	—	2	—	1	50	1	—
5	—	3	—	2	—	1	50
4	50	—	—	—	—	—	—
5	50	3	—	2	—	1	50

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.

Новый подписчикъ получаетъ все уже вышедшія въ 1875 г. нумера.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставлены съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условія гонорара. Бесплатными считаются тѣ статьи, на которыя условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; меньшія-же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Марксу). Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

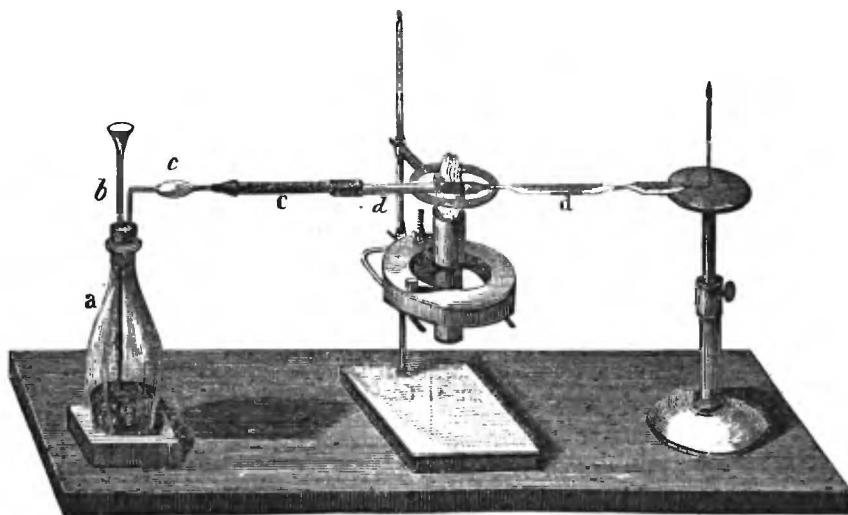
КЛИШЕ и гравюры ишлются въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе пріобрѣтать таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

Мышьякъ.

Что мышьякъ есть сильнѣйшій ядъ — извѣстно каждому, но только въ большинствѣ случаевъ этимъ и ограничиваются все свѣдѣнія. Если же обращаютъ вниманіе на ядовитость такихъ тѣлъ какъ мѣдь и свинецъ, то, по нашему мнѣнію, болѣе близкое знакомство съ мышьякомъ даже положительно необходимо. Правда, большая часть домашнихъ предметовъ, съ которыми мы, такъ сказать, находимся въ непосредственномъ прикосновеніи, дѣлаются изъ мѣди и свинца, а потому предостереженіе относительно ихъ ядовитости имѣетъ большое значеніе. Но еще важнѣе въ этомъ случаѣ нѣкоторыя указанія относительно мышьяка, потому что мѣдь и свинецъ извѣстны каждому и почти всегда зависятъ отъ насъ самихъ заранее принять извѣстныя мѣры предосторожности; а мышьякъ совершенно неумолимъ для человека незнакомаго съ химіею — и зачастую находится на предметахъ, которые менѣе всего считаются ядовитыми.

Въ общежитіи подъ именемъ мышьяка извѣстно бѣлое вещество, похожее въ порошокъ на муку. Но собственно это не мышьякъ, а химическое соединеніе его съ кислородомъ. Настоящій мышьякъ имѣетъ стально-сѣрый цвѣтъ, металлическій блескъ въ свѣжѣмъ изломѣ и вообще по наружному виду чрезвычайно

сходенъ съ металломъ, почему и называется *металлическимъ мышьякомъ*. На воздухѣ онъ быстро тускнѣетъ, а нагрѣтый горитъ блестящимъ синевато-бѣлымъ пламенемъ, съ образованіемъ паровъ, которые по охлажденіи обращаются въ бѣлое вещество, называемое мышьяковистою кислотою, *бѣлымъ мышьякомъ* или въ общежитіи — просто мышьякомъ.

Приборъ Марша для распознаванія мышьяка. Грав. Вейерманъ.

Мышьякъ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ тѣламъ. Встрѣчается въ металлическомъ видѣ въ кристаллахъ, но только рѣдко, преимущественно попадаетъ въ видѣ почкообразной массы, зернами, гроздьями и проч. Замѣчательно присутствіе мышьяка въ значительномъ количествѣ въ нѣкоторыхъ минеральныхъ водахъ; даѣе находили его въ каменныхъ угляхъ въ желѣзныхъ рудахъ и въ остаткахъ получаемыхъ отъ выпариванія морской воды. Металлическій мышьякъ получаютъ и искусственно. Открытіе его приписываютъ Бран-

ту въ 1633 году, хотя о немъ упоминали нѣсколько раньше и другіе.

Бѣлый мышьякъ былъ извѣстенъ еще въ VIII столѣтіи послѣ Р. Хр. Онъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ мышьяковымъ препаратамъ, обращающимся въ общежитіи, и представ-

употреблена чистая краска—бѣды въ томъ нѣтъ. Но случается и противное. Вотъ примѣръ.

Чинovníки одного административнаго учрежденія, въ Берлинѣ, сдѣлали обѣдъ, послѣ котораго всѣ заболѣли. Дѣло обошлось безъ особенныхъ послѣдствій, но только появившіеся у больныхъ симптомы показались доктору подозрительными, вслѣдствіе чего онъ подвергнулъ экскременты ихъ химическому изслѣдованію и нашелъ мышьякъ. Затѣмъ подвергли испытанію кушанья, подававшіяся за обѣдомъ, и въ красномъ соусѣ изъ вишенъ нашли мышьякъ. Стало ясно, что обѣдавшие отравились мышьякомъ, заключавшимся въ соусѣ. Потомъ оказалось, что поваръ, желая придать хорошій цвѣтъ соусу, подбавилъ въ него карминнаго лаку, а послѣдній содержалъ мышьякъ.

Кромѣ красокъ, мышьякъ употребляется при многихъ техническихъ производствахъ, напр., при фабрикаціи дрови, на стеклянныхъ заводахъ, при производствѣ анилиновыхъ красокъ, а въ послѣднее время за границею на кожевенныхъ заводахъ, для ускоренія процесса дубленія и пр.

Оказывается, что онъ даже имѣетъ нѣкоторое особенное употребленіе, именно: изъ всего числа отравъ—три четверти совершаются мышьякомъ. Часто, конечно, отравляются по неосторожности или вѣрнѣе по небрежности лицъ, въ домѣ которыхъ онъ хранится какъ средство противъ крысъ и мышей. Въ этомъ случаѣ даже непрактично употреблять мышьякъ, потому что животныя почти всегда издыхаютъ въ своихъ норахъ, подъ поломъ, труны ихъ гниютъ, отчего распространяется въ высшей степени непріятный запахъ, такъ что нерѣдко ломаютъ полъ, чтобы оттуда ихъ вынуть. Гораздо удобнѣе давать негашеную известь, смѣшанную съ масломъ или съ чѣмъ другимъ. Отъ извести желудокъ животныхъ приходитъ въ воспаленное состояніе, появляется сильнѣйшая жажда, которая и выгоняетъ ихъ на улицу.

Мышьякъ и въ настоящее время употребляется въ медицинѣ при грудныхъ болѣзняхъ.

Наконецъ, всѣмъ известная бумага для истребленія мухъ—пронитана бѣлымъ мышьякомъ, чѣмъ собственно и обуславливается ея ядовитость.

Бѣлый мышьякъ дѣйствуетъ на организмъ быстро, чѣмъ металлическій и сѣрный. Это зависитъ отъ того, что первый—хотя трудно, но все-таки растворяется въ водѣ; тогда какъ послѣдніе нерастворимы, и потому, принятые въ желудокъ, требуютъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени, чтобы подъ влияніемъ химическаго дѣйствія желудочнаго сока сдѣлались растворимыми, а затѣмъ уже переходить въ кровь. Но самымъ опаснымъ является мышьяковистый водородъ. Введенныя въ желудокъ твердыя соединенія мышьяка, въ особенности, если скоро захватить, можно весьма легко удалить и тѣмъ самымъ спасти отравленнаго; тогда какъ мышьяковистый водородъ, какъ газообразное тѣло, съѣсть нельзя, а можно только вдохнуть, а потому проникнувши въ легкія, онъ тотчасъ растворяется въ крови и разносится по всему тѣлу.

Во всякомъ случаѣ, какимъ-бы соединеніемъ мышьяка ни отравились, при этомъ появляются слѣдующіе признаки. Черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, что зависитъ отъ многихъ причинъ, является тошнота, рвота; затѣмъ жаръ, поносъ, сильная боль въ животѣ, трудное дыханіе, судороги и, наконецъ, смерть. И чѣмъ дольше мышьякъ остается въ желудкѣ—тѣмъ болѣе его переходитъ въ кровь, слѣдовательно тѣмъ и опаснѣе. Поэтому, самая главная помощь заключается въ возможно-быстромъ удаленіи яда изъ желудка, для чего даютъ больному пить парное молоко, теплый чай, теплый льняной и овсяный отвары, чѣмъ искусственно возбуждается рвота, вмѣстѣ съ которою выходитъ и мышьякъ. Кромѣ того, льняной и овсяный отвары обволакиваютъ желудокъ и, такимъ образомъ, препятствуютъ дальнѣйшему переходу его въ кровь. Но весьма дѣйствительное противоядіе представляетъ смѣсь окиси желѣза съ магнезіею. Смѣсь эта всегда находится въ аптекахъ готовою, а потому при случаяхъ отравы точно такъ слѣдуетъ послать за этимъ противоядіемъ, которое отпускаютъ всякому, безъ доктора.

Когда предполагаютъ, что смерть произошла отъ мышьяка, то трупъ вскрываютъ, вынимаютъ содержимое желудка и кишокъ—и все тщательно разсматривается въ лупу, при чемъ обыкновенно и находятъ частицы бѣлаго мышьяка. Ихъ отбираютъ и испытываютъ отдѣльно. Если же при этомъ ничего не окажется, то упомянутыя выше вещества, вмѣстѣ съ желудкомъ и кишками, подвергаютъ химической обработкѣ, имѣющей цѣлю: уничтожить массу постороннихъ веществъ и собрать только одинъ мышьякъ въ маломъ количествѣ жидкости. Отысканъ ли твердый мышьякъ или получили его въ жидкости, чрезъ обработку желудка и кишокъ,—во всякомъ случаѣ для окончательнаго убѣжденія подвергаютъ ихъ испытанію въ приборѣ Марша, о которомъ говорено выше. Если же отравы не смертельна, то испытываютъ рвоту и экскременты больного.

Нерѣдко возникаетъ слѣдствіе, когда отравленный уже нѣсколько лѣтъ лежитъ въ могилѣ. Въ такомъ случаѣ разрываютъ могилу, собираютъ, что осталось отъ трупа, даже захватываютъ нѣсколько земли, окружавшей гробъ, и испытываютъ по вышеописанному способу.

Способы изслѣдованія мышьяка въ настоящее время до такой степени разработаны, что, напр., въ приборѣ Марша можно открыть до $\frac{1}{4000}$ ч. зол. А какъ количество въ десять разъ большее не производитъ еще вреднаго дѣйствія на организмъ, то, коль скоро возникаетъ подозрѣніе въ отравленіи этимъ ядомъ, химикъ имѣетъ полную возможность и при томъ совершенно точно подтвердить или отвергнуть подобное обвиненіе.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвши свойства и особенности мышьяка, читатель согласится со мною, что вещество это можетъ имѣть большое влияніе на здоровье и даже на самую жизнь нашу, если не относиться съ осторожностію ко всему тому, о чемъ говорено въ этой статьѣ.

П. Николаевъ.

БАЗАРНЫЕ ТИПЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Азиатскій цирюльникъ.

Мулла „Девлетъ-ша“—человѣкъ очень хорошій.

Его знаютъ на всемъ самаркандскомъ базарѣ, да и не на одномъ базарѣ, даже за предѣлами его, вплоть до самаго еврейскаго предмѣстья. Его даже знаютъ въ другихъ городахъ: въ Бухарѣ и въ Ташкентѣ; не всѣ—но знаютъ.

Городъ Самаркандъ стоитъ на самомъ бойкомъ, проѣздномъ трактѣ, базаръ самаркандскій какъ разъ посреди города; всѣ улицы къ этому базару сходятся, и на самомъ-то этомъ перекресткѣ помѣщается лавочка муллы Девлетъ-ша.

И другихъ купцовъ, тоже хорошихъ людей, много живетъ на этомъ перекресткѣ, но эти другіе такою, какъ Девлетъ-ша, извѣстностью не пользуются. Не пользуются они потому, что не всякому они нужны, а мулла Девлетъ-ша нуженъ всякому, особенно человѣку проѣзжему.

Ѣдетъ купецъ, съ караваномъ или такъ верхомъ въ одиночку, Ѣдетъ день, Ѣдетъ два и даже больше, много пыли набьется въ его голову съвозъ ткань чалмы, много грязи наберется въ его бороду; а тутъ еще жара, духота, потъ съ лица всю дорогу не сходитъ;—почесывается купецъ, скребетъ пальцами себѣ въ бородѣ, за-

пускаетъ всю пятерню подъ свою чалму—и тамъ тоже поскребывается и думаетъ:

— Вотъ хорошо, прїѣду въ Самаркандъ, остановлюсь на базарѣ, зайду къ муллѣ Девлетъ-ша, онъ мнѣ голову чисто-начисто выбрѣетъ, бороду расчешетъ и промоетъ... Отлично тогда буду себя чувствовать.

Какже послѣ этого не знать муллу Девлетъ-ша, такого полезнаго и пріятнаго человѣка для всѣхъ путешественниковъ!

Законъ Магомета предписываетъ правовѣрнымъ брить голову и подстригать усы,—а волосы, и тамъ и тутъ, растутъ скоро;—день-два, глядишь—уже и покалываютъ. Опять надо идти къ Девлетъ-шѣ, человѣку пріятному; вѣсти онъ все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается, поразскажетъ и сообщитъ много интереснаго.

И дѣйствительно, мулла Девлетъ-ша все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается. Онъ газетъ не получаетъ, потому что здѣсь газетъ никто не издаетъ; онъ и книгъ не читаетъ, потому что кромѣ корана никакихъ книгъ нѣтъ;—зато онъ много проѣзжаго народа знаетъ, изъ всѣхъ мѣстъ, ближнихъ и дальнихъ—и этотъ-то проѣзжій народъ, со всѣхъ концовъ свѣта, везетъ ему новости.

Лавочка Девлетъ-ша устроена такимъ образомъ: большая сакля выходитъ на улицу—навѣсомъ, подъ этимъ навѣсомъ устроено возвышеніе, вдоль всей стѣны. Возвышеніе это покрыто цыновками и коврикомъ, на немъ сидѣть и удобно и пріятно. Большой проломъ въ стѣнѣ ведетъ во внутренность сакли, гдѣ сложены всѣ пожитки хозяина; это больше для зимняго времени помѣщеніе, а лѣтомъ все время подъ навѣсомъ проводится. На стѣнахъ развѣшаны всѣ принадлежности хозяйскаго дѣла: бритвы, тарелочки, гребешки, полотенца—все что нужно—подъ рукою.

Самъ хозяинъ—человѣкъ уже не молодой, борода съ просѣдью, чалму носить тканую, полосатую, халатъ тоже полосатый адресный, только халатъ этотъ онъ рѣдко надѣваетъ, и жарко и движенія стѣсняетъ,—толи дѣло въ одной рубашкѣ! прохладно, удобно; засучилъ рукава до самыхъ плечъ и приступай къ работѣ.

Рано утромъ поднимается Девлетъ-ша на ноги, подмететъ передъ лавочкою, смахнетъ пыль и соръ съ коврика, наточитъ бритвы, сваритъ чаю въ кунганѣ, закуритъ кальянъ, сядетъ и ждетъ.

И никогда ему не приходится ждать очень долго.

Не успѣютъ другіе сосѣди его отодвинуть доски своихъ дверей, не успѣетъ мясникъ Шарипъ повѣсить на крюкъ ночью-зарѣзаннаго барана, не успѣетъ шорникъ

Магометъ-дуванъ разложить свои питія попоны,—смотришь, а къ Девлетъ-ша уже пришли посѣтители.

— Аллахъ да благословитъ домъ твой! будь здоровъ, мулла Девлетъ-ша! тяжело слазить съ лошади купецъ Рустемъ-бекъ изъ Джизака.

— Аллахъ да благословитъ прїѣздъ твой и дальнѣйшую дорогу, отвѣчаетъ Девлетъ.

Усталъ прїѣзжій, всю ночь ѣхалъ, ноги даже затекли; конь тоже повѣсилъ голову: стоитъ, словно его только что выкупали. Привяжетъ купецъ лошадь къ столбу, гдѣ нибудь всторонкѣ, самъ на приступокъ подъ навѣсъ заберется, сядетъ, сниметъ чалму тяжеловѣсную; пока хозяинъ бритвы готовить, чаю зеленого глотнетъ чашечку и кальянъ покурить...

И начинается работа.

Плавнѣе такъ, легко ходить бритва по угловатому черепу, плавно текутъ умныя рѣчи съ той и съ другой сторонны... Не успѣетъ Девлетъ съ одною головою покончить, глядь — ужъ и еще посѣтители набираются.. кто за дѣломъ, а кто и такъ просто, разговоръ послушать, да по другимъ мѣстамъ передать все слышанное.

И такъ до вечера, народъ отъ навѣса муллы Девлетъ-ша, лучшаго цирюльника въ Самаркандѣ, не расходится.

Какже послѣ этого не знать муллу Девлетъ-ша, такого человѣка хорошаго, пріятнаго и полезнаго!

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(Автобіографія Праотцева). Соч. Н. Лѣскова (Стебницкаго).

ХП.

Я не помню, какъ исчезли съ моихъ глазъ Кирилъ и мой Пенъковскій,—но они во всякомъ случаѣ сдѣлали это какъ-то такъ хорошо и деликатно, что ни одной минуты не помѣшали мнѣ любоваться священными чертами лица моей неимоверно-постарѣвшей матери.

Тому, кто не зналъ ее шесть лѣтъ назадъ, въ ея нынѣшнемъ благородномъ, полномъ возвышеннѣйшаго выраженія лицѣ все таки было бы трудно угадать ту очаровательную, неземную красавицу, какою она была въ роковой годъ смерти отца. Нѣжно-прозрачное лицо ея теперь было желто—и его робко оживляли лихорадочный румянецъ, вызванный тревогою чувствъ, возбужденныхъ моимъ прибытіемъ; злато-кудрые ея волосы, какихъ я не видалъ ни у кого кромѣ путеводнаго ангела Товіи, на картинѣ Ари Шефера,—волосы легкіе, нѣжные и въ то-же время какіе-то смиренномудрые, подернулись сѣдиною, которая покрыла ихъ точно прозрачною дымкой; они были по старому зачесаны въ локоны, но этихъ локоновъ было уже немного,—они уже не волновались вокругъ всей головы, какъ это было встарь, а только напоминали прежнюю прическу спереди, вокругъ висковъ и лба, межъ тѣмъ какъ всю остальную часть головы покрывала черная кружевная косынка, красиво завязанная двумя широкими лопастями у подбородка. Ростъ и фигура, превосходной формы руки и строгій поставъ головы на античной, слегка лишь пожелтѣвшей шеѣ—были все тѣ-же; но губы поблѣднѣли, и въ голубыхъ, полныхъ ласки и привѣта, глазахъ блуждалъ какой-то тревожный огонь.

Не сводя глазъ съ матушкинаго лица, я созерцалъ ее въ безмолвномъ благоговѣніи, стоя передъ нею на колѣняхъ и держа въ своихъ рукахъ ея руки. Матушка сидѣла въ креслѣ и также молча смотрѣла то на меня, то на небольшой акварельный портретъ, который стоялъ возлѣ нея на крышкѣ ея открытой рабочей шкатулки.

Это былъ портретъ моего покойнаго отца, на кото-

раго я теперь былъ поразительно похожъ—и хотя въ этомъ обстоятельстве не было ничего удивительнаго, но матушка была этимъ видимо сильно занята. Высвободивъ изъ моихъ рукъ свои руки, она въ одну изъ нихъ взяла этотъ портретъ, а другою приподняла волоса съ моего лба—и еще пристальнѣе взглянувъ мнѣ въ лицо, отодвинулась и прошептала:

— Какое полное повтореніе во всемъ!

Въ этомъ восклицаніи мнѣ послышалось что-то болѣзненное, что-то такое чему мать моя какъ будто въ одно и то же время и радовалась и ужасалась. Она должно быть и сама это замѣтила, и вѣроятно сочтя неумѣстнымъ обнаруженіе передо мною подобнаго чувства, тотчасъ-же подавила его въ себѣ—и придавъ своему лицу простое выраженіе, договорила съ улыбкою:

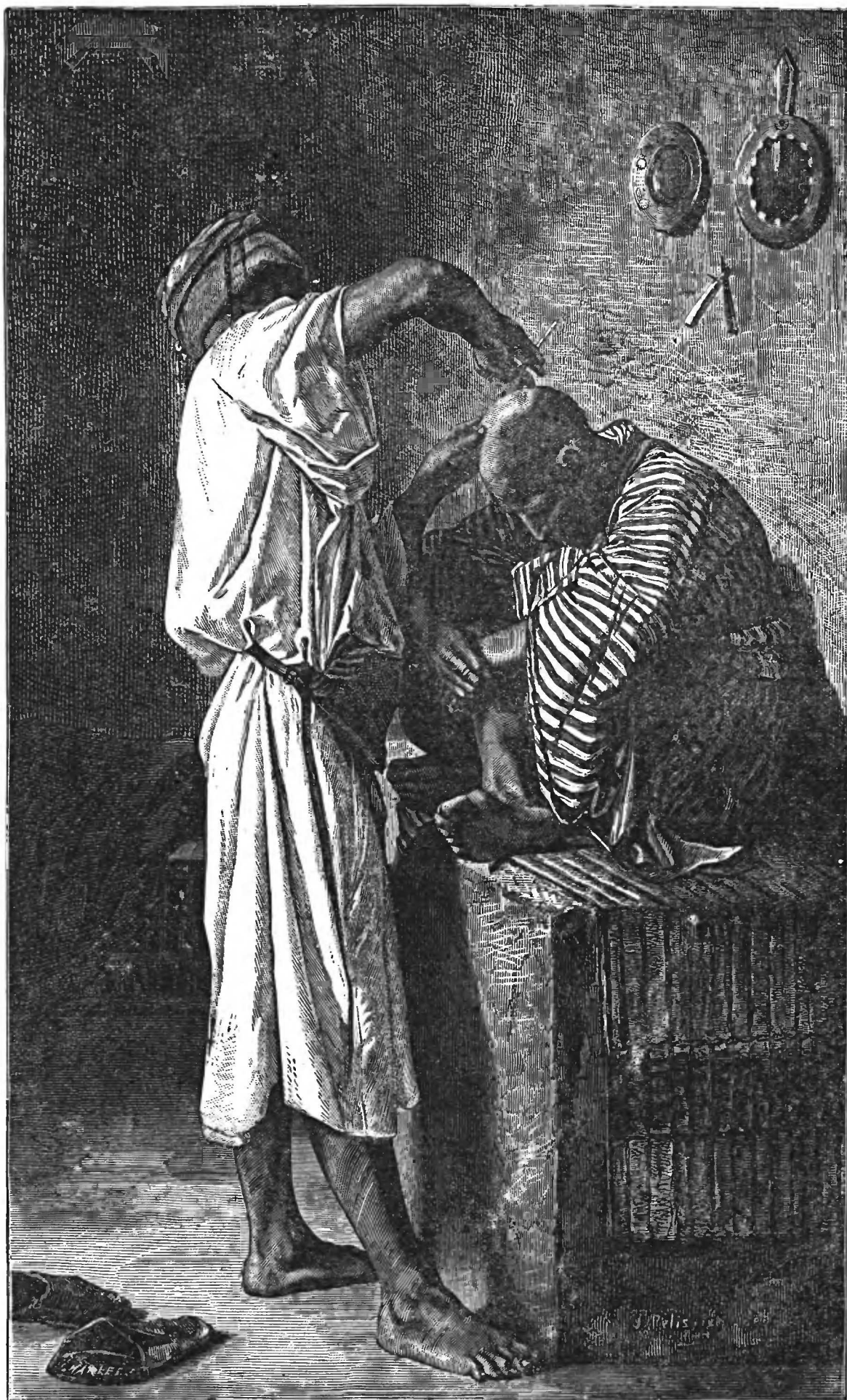
— Если замѣнить этотъ пушокъ на твоей губѣ густыми усами, бросить нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ голову и немножко постарить лицо, ты былъ-бы настоящій двойникъ твоего отца. Это общается, что ты будешь имѣть недурную наружность.

Желая блеснуть умомъ и серіозностью, я каплянулъ и хотѣлъ сказать, что наружность не много значить; но матушка точно прочла мою мѣсль и отвѣтила на нее продолжая рѣчь свою:

— Хорошая форма имѣетъ много привлекательнаго, сказала она,—въ хорошей формѣ надо стараться имѣть и хорошее содержаніе,—иначе она красивая надпись на дурномъ товарѣ. Ты впрочемъ очень счастливъ—рано испытываешь несчастье: я увѣрена, что оно дало тебѣ хорошій урокъ.

Это меня ужасно тронуло—и я еще жарче припалъ къ матушкинымъ рукамъ и на нихъ изъ глазъ моихъ полились обильныя слезы.

— Ты не плачь, продолжала матушка нѣжнымъ и ласковымъ но какъ будто нѣсколько дѣловымъ тономъ,—тебѣ теперь нужны не слезы а душевная бодрость. Ты лишень самага величайшаго блага—правильнаго образованія; но Богъ милосердъ, можетъ быть мы не только

Вазарные типы. Цирюльникъ въ Средней Азии.